

Курилов И.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ

Переводы с языка народа Севера

Якутия Иванг. Иннокентьева

Якутск. 1993

Окат Бэй.

Фантастические рассказы.

Якутск

В этот первый сборник фантастических рассказов автора одного из народностей Крайнего Севера Республики Саха (Якутия) включены рассказы, написанные с 1980 по 1990 г.г.

Художественное воображение автора, через призму фантастического видения, показывает жизнь в тундре: мечты и чаяния оленеводов, рыбаков, охотников в период «развитого социализма». В образах инопланетян не трудно заметить черты характера, поступки детей тундры — северян»

© Окат Бэй. 1992

*Посвящаю 1993 году — первому году кочевых
племенных народов Севера Планеты.
И дай Хойл, Сэвки, Айыы Танара —
пусть он будет не последний.*

Автор.

МОНОЛОГ ЖИТЕЛЯ ПЛАНЕТКИ «ЧИ»

...Во-от... Наша Галактика усеяна малыми планетками. Пятнадцать из них уже обжиты, хотя вулканические процессы все еще продолжаются. А двадцать планеток только вот недавно стали заселяться по настоящему, хотя и они, с давних времен, с времен первых полётов в космическом пространстве, были обжиты нашими предками. Прошло с тех пор, если покопаться в древних книгах — пластинах магнитных — ровно тысяча лет. Так что прилетевшие в эти планетки, да и в нашу «ЧИ» сто лет назад пришельцы зря раструбили, что, мол, они открыли и сделали пригодными для жизни планетки нашей Галактики... Кхэ!...

Во-от... Галактика наша вдоль имеет длину миллион свечковых лет, и поперек — тоже миллион. А контур наша Галактика имеет очень красивый, сентиментальный — форму ягоды-черники. Оказалось, это очень выгодно — ведь пришельцы транспортируют нам всякого рода грузы, что остаются после их «стола». Представь, друг, если бы наша «ЧИ» вдоль была длиннее, сколько бы мы доплатили им за эти транспортные услуги? То-то... А так — квадрат: туда-сюда, оттуда-сюда — все по единой расценке. Ну, поняли пришельцы, что с нас лишнего не сдерешь — зуд благотворительности у них и пропал. Кхэ!...

Во-от... А пришельцев хорошо стали знать только мы, более молодое поколение. Но они и нас чураются, не говоря уже о наших стариках. И все оттого, что мы ЛИНЯЕМ! Что?... Друг, линять — это значит... Вот, смотри, я покрыт шерстью, которая время от времени выпадает. Да-да, как твои волосы. Но твоя лысина так и останется на всю жизнь, а моя шерсть вновь отрастет... Что, завидно?! Э-э, друг, еще не известно, кто кому будет завидовать.. Ну, вот, линяем. А линяем потому, что, живя в относительно холодной «ЧИ», где температура бывает до -150° , вынуждены иметь шкуру с очень густым мехом. Поэтому, как и все животные (двуногие, кстати, тоже), мы имеем привычку линять. Этот не очень приятный стриптиз, оставляющий нас в чем мать родила, происходит раз в пять месяцев, когда наша Костерная Звезда начинает жарить, жечь, выпаривать все вокруг. Тогда первым поддается таянию и исчезает за один день льдистый песок, который сплошным ковром укрывал нашу планетку. Травы и папоротники, которые плашмя лежали под тяжестью льдистого песка, начинают выпрямляться. Пришельцы говорят, что у них все растения растут, а не выпрямляются. Правду бают или нет, не знаю — лично там не был. Тут надо сказать, что пришельцам хитрость наших растений пришлась по душе и они совсем недавно отправили Людям несколько

контейнеров. Там Люди займутся селекционированием, добиваясь, чтобы и свои злаковые растения не сеять и не жать, а просто, как ягоды, каждую осень собирать зерна. Кхэ!

Во-т... Так вот, линяем мы — будь здоров! От обилия шерсти вокруг не бывает видно порой даже цветков. О-о, в такие моменты и в гости-то ходить стыдишься. Но тут, скажу по секрету, лучше давай, в уши нашепчу: плохого без хорошего не бывает. Так вот, когда мы линяем, приходит пора любви, знаешь, как интересно: она голая и ты голый. Так здорово... Вот, кидаемся друг к другу, ну, рассказывать не буду, а то вижу, как ты возбуждился! Кхэ!...

Во-от... Значит, мы линяем, шерсть летит по всей планетке, даже иногда от неё Костерная Звезда черной кажется. Хотя температура держится, ой, какая высокая, аж -50° !

Вот, представь: тебе — жарко, ты линяешь, а пришелец стоит дрожит, мерзнет. А всё потому, что шерстка у него гладкая, короткая от природы. Зато у него есть КОНТОР, теплый и с крышей. Люди научили их такие строения делать. Так что, хэ-хэ, правду говоришь, голый разденется, что останется, хэ-хэ!... Пришельцы говорят, что Люди хотели им настоящие Дома привезти, да расходов, будто бы, слишком много. Наши старики советуют вовсе не верить их рассказням. «Даже мыши намекают на знакомство с Людьюми, когда их поймашь!» — изрекают мудрецы!... Любят старики брюзжать, всё им не так — что с них возьмешь? Разве что — мудрость! Кхэ!...

Во-от... От них мудростью, а от нас, молодых, только глупостью веет. Почему? Да потому, что мы — молодые! Молодому море не море, огонь не огонь, горы не горы — всё пройдет, да еще домой победителем вернется. Поэтому, чтобы мы больше глупели, пришельцы везде запретительные знаки поставили для нас: в лес не поедешь, он — огорожен. По ледяному полю тоже нельзя — длинную стену из льда возвели. А по воде поплавать захочешь — должен через пять или шесть контор пройти и отдать каждому обитателю по пять мамонтовых берцовых костей. Но мамонтов осталось — по пальцам пересчитать можно, и забивать их большая морока: надо роговых костей наших лап, ногтей, то есть, целый килограмм собрать. А где я их возьму, если растут они медленно?... Во-во, я тоже так думаю: надо нам изобрести стимулятор роста ногтей!... На чем остановился? Да-да, на мамонтах: представь, мамонтов мало, следовательно, и берцовых костей мало, а мне жить, ой-ой, сколько еще хочется, а этих костей у меня останется только десять десятков! Кхэ!...

Во-от... Также нет у меня шестилапых ЛАУ, вкусномясых и

вкусномолочных животных. Знаешь, они такие неприхотливые, пусть их пастись на выжженной земле, вечером все равно надоишь по ведру молока с каждого! Раньше, бывало, любой уважающий себя житель планетки имел с дюжину лау, потому что больше содержать может разве что недоумок — эти лау очень капризны: прежде чем отправить пастись, предварительно надо их вымыть, одеть им на голову рога, обуть. Потом надо за ними большой присмотр чинить: обутые и рогатые, они норовят разбрестись, потеряться, да и клыкастый Хап может задрать глупых... Кхэ!...

Во-от... Есть в наших водоёмах чешуйчато-шерстяная АГА. Её ловят мои соплеменники на свои плевки. Как? Ну, это очень просто: сядут они у самого берега, оденут рукавицы, что сшиты из кореньев тальника и плюнут вверх. А должен сказать, что ага очень любопытная, до всего ей дело, но особенно любит она слюнки. Почему — не знаю. Даже пришельцы не могут до сих пор разгадать эту аномальную прихоть агушки. Ну вот, плевков сделан и ага тотчас вылетает из воды, тут её и ловят руками. До чего просто, правда?... Но, видишь ли, друг, чтобы я стал ловцом ага, мне надо отдать хозяину конторы надбровные дуги птицы «ку-ку», а где мне его ловить, если я с утра занят? Кхэ!...

Во-от... Нет у меня ни лау, ни аги, да и заниматься ими резону нет — ведь я живу чуть-чуть в сторонке от крайней конторы пришельцев. Крашу у них крыши контор. Говорят, что у меня получается лучше, чем у них. К тому же я, как-никак, свой контор имею: надо же научиться жить подобно пришельцам. Хватит спать в льдистый песок зарывшись. Да и холодно уже мне. Ведь, чтобы быть похожим на них, я подстригал свою шерсть, до подпушка дошёл... От этого и — кхэ!...

Во-от... Простываю, значит. Да, а контор мой пока что на одной опоре стоит. Чего смеёшься, правда! Показал бы — не поверил, и никакое это не архитектурное веяние. Все дело в том, что захоти я поставить контор на четыре опорные точки — во-во, правильно говоришь, с тобой приятно беседовать — на фундамент, мне бы пришлось слетать на планету «НЮУ» за языком пташечки «хи-хи»... Ой, ты не знаешь, как далеко эта планетка находится, «слетай да возьми» проще сказать, чем самому туда добраться. Интересно не это, а другое — уже давно поговаривают, что пташечек сих лет двести как не существует!... Кхэ!...

Во-от... Нету пташечек, нету конторы. Придуманно — проще не придумаешь!.. Но все это ерунда, если принять во внимание мое теперешнее положение. Ну, одно слово — хреновое! Так будто бы говорят. Люди, когда у них с делами обстоит совсем ТЬФУ! Но чтоб пожаловаться Людям, надо сначала дойти до них, а это не так про-

сто. Что? Не-ет, какие там тридцать месяцев лету на самом архисовременном атомно-фотонно-керосинном супермежзвездном корабле! Да туда нашему брату лететь предстоит, лишь рассчитывая на свои возможности. Нас, упаси ЧЕРТ, ни за какие коврижки пришельцы на свой корабль не пустят. А наши возможности, это, как ты видел, наша мускульная сила, а на ней — хрен доберешься до Людей! Кхэ!...

Во-от... Да, далеко живут Люди, умопомрачительно далеко! Черт! Почему ты не сотворил нашу планетку рядом с Людьюми, сколько бы благ, хорошего тона, образования, культ... Не-ет, друг, иной раз и поругаться не мешает: отводишь душу... Пстой, пстой, а ты из какой Галактики, друг? А-а, которая на ножик похожа, ну, помню, дед про твою Галактику рассказывал, что там существа, если хотят размножиться, отпиливают друг у друга... Что?... А-а, до сих пор так делают! А не больно? Нет. Ну, все-таки мы да пришельцы размножаемся куда интереснее. Кхэ!...

Во — от... Ну, продолжу о Людях. Так вот, не хотят они сами летать, управлять и жить в таких планетках, как наши. Поэтому с промежуточной планеты «ВО» посылают к нам пришельцев. Этих пришельцев становится что ни год больше и больше, потому что Люди приказали им разведать ВСЮ СИСТЕМУ. Что такое СИСТЕМА, мы не знаем, да и эти пришельцы не желают расшифровать. Наверное, очень-очень секретная СИСТЕМА. Да хрен с ней — с СИСТЕМОЙ. Ну, вот, живут пришельцы: некоторые работают, некоторые сидят, некоторые бегают. Что ты, друг, разве это работа! Попробуй-ка целыми днями одевать, обувать и мыть этих шестипалых лау, вмиг жизнь покажется не нужной. А сидеть и я могу, как сейчас перед тобой сижу... Кхэ!...

Работают они, наши пришельцы, так: привозят куски льдины, что откололи мои соплеменники на Ледяном море и обтачивают их в кубики. Затем кубики передают тем, которые доводят их до ума. Эти работяги должны раскалывать кубики таким образом, чтобы осколки их были в форме кубиков. Пока плоды общего труда не потеряли форму из-за жары (все работы ведутся в конторах), их надобно донести до тех, которые сидят в пуховых креслах. Дошла кубышка к сидящим — должна превратиться в круглую каплю воды. Сидящие собирают дневную выработку и передают тем, которые кричать умеют. Ка-ак матюкнутся, которые кричат и — работа закончена. Кхэ!...

Во - от... Есть еще те, которые себя по коленкам ладонями хлопают, есть такие, что умеют только шептать... В общем, все работают. Из соплеменников моих тоже есть удальцы, приспособившиеся к быту и работе пришельцев. Вот и я думал, что из меня

вроде такой получится, но все — хреновина! Кхэ!..

Во-от... А сидит над всеми нами — и над шерстистыми, и над пришельцами — самый главный — «ИЕС». Это прозвище даровано ему Людьми, а мы его на свой манер называем: «НЕТ». Вот-вот, ну, красота какая тебе рассказывать, друг — все с полуслова ловишь, намеки понимаешь!... «ИЕС» тоже пришелец, но совсем с другой планеты, не нашим чета. Поэтому, нет-нет да и разгораются какое-нибудь непонимание, разор между ними. Иногда события до того накаляются, что Люди вынуждены бывают посылать Главного Пожарного. Он-то события остудит, другого «ИЕСа» и посадит. Кхэ!...

Во-от... Почему мы всех «йесами» называем? Да очень просто — раньше, когда пришельцы только начинали прибывать на нашу планетку и Люди поменяли лишь первую десятку «йесов», мы думали, что каждый из них чем-то особенный: но позже поняли, что они думают, мыслят и работать собираются по той пластинке, что заказали Люди. Но какие пластинки Люди им поставили, нам невдомек. Об этом наши старики говорят, что после отбытия Главного Пожарного пришельцы, наверное, меняют пластинку. Может быть, может быть, потому что никто не проверял эти пластинки. Кхэ!...

Во-от... Живет этот «ИЕС», в прямом смысле, над всеми, под стеклянным куполом, но не совсем высоко. Метра так два будет над грунтом... Что? А-а, спасибо, что напомнил, а то, видишь, совсем отвлекся — значит, почему у меня жизнь стала хреновой? Да, то что рассказал, всё это тоже имеет косвенное отношение к моей хреновой жизни. Кхэ!...

Во-от... А теперь, скажи-ка, друг, ты когда-нибудь видел летающую собаку породы ластиногих? Нет?!.. В самом деле?! Во-во, ты начинаешь разглядывать меня, значит, уже догадываешься, что к чему? Мо-ло-де-ец! Ты уже дотронулся до моих лап! Да, ты не ошибаешься, потому что перед тобой подлинный экземпляр одного из этих ластиногих... Как не веришь?! Почему!... Вот, смотри, я поднимаюсь, видишь? Поднялся или нет? Поднялся... Эх, чуть не поверил было ты мне, а если бы я был больной и не сумел подняться, что тогда — вруном бы меня обозвал и ушел... Гляди, еще и еще поднялся, ва-ва-ва! Это мой смех такой, извини. И не старайся разглядеть мелькание моих лап, все равно это бесполезно, ва! Кхэ!..

Во-от... Убедился, друг, что я летаю? Убедился — очень хорошо! Но, увы, убедить пришельцев я так и не смог, вот что печально. Никто мне не верит, никто из них!... Говорят, что если бы это был летающий пришелец или кто-то другой с отдаленной планеты, поверили бы ему охотно, если бы он и не летал. Но чтоб ластиногий

летал — в жизни не поверим! Ластоногие — не специалисты по летательной части. Что обидно, «ИЕС» сказал: «Если бы ты караулил лау или ловил ага, я может, и поверил, что ты ластоногий и умеешь летать. А теперь ты кто? Ни-кто! Ты передо мной сидишь — я не вижу тебя, ты летаешь — будь здоров, летай, но я ведь не поверю! И — все! КВА-сс...» (Это он так добродушно рычит). Кхэ!...

Во-от... Между прочим, крыши ихних контор так красиво закрасил, что любоваться на них и с других наших планет прилетали. И такой восторг, такие отзывы... Даже хотели пригласить на планету пришельцев, чтобы я покрасил там крыши всех контор. Только мои — ни в какую! Взамен меня одного пришельца, не имеющего хватательных щупалец, но который ухитрился здесь родиться, хотели поставить: наш мол и ногами покрасит. Где там: с первой же крыши сверзился... бедняга. А родители его на меня нашептали. (Они, эти родители его, шептунами работают). Так-то и так, если бы этот шерстистый не отказался, то сын был бы у них сейчас жив... Кхэ!...

Сходил вот, в последний раз, к этому «ИЕСУ». А помощницей кто у него была, вовек не догадаешься... Что, «йесиха?» Нет. Помощницей его оказалась дочка моего приятеля, тоже ластоногого, но живущего на ближайшем астероиде. Так вот, то ли жена не так родила или астероид увеличил амплитуду колебания, или дочка сама совсем дурой уже позже стала — не узнает меня в упор, хотя бывал я у них часто. (На том астероиде мамонты еще не занесены в Папоротную Книгу). Кхэ!...

Во-от... Гостил я у них не так уж и давно, эту задастую на руках-ластах таскал, а пришел к «ИЕС» — сидит цаца этакая, молча молоко со второй пары грудей выцеживает (а груди, кстати, что твое головище!). Ну да ладно... Спустился «ИЕС», я ему — прощение: прошу, мол, отправить меня на усовершенствование по части покраски крыш с последующим получением квалификации окрасчика Северных стен. Тут «ИЕС» как сту-укнет по стене, да как затопчет ножищами по полу: «Я те ..... мать! Я те ... ., мошенник, плут! Пока я здесь, ни один планетник ....., пусть и не думает повышать или понижать ква-квалификацию, понял...?!!» Стук по стене головой и — упал. А эта, задастая, дала мне по шее, да еще позвонила ведром. Тут три молодца в красных трусах заскочили и давай дубасить. Еле ноги унес, облизал раны, зашел в контор, а он возьми да упади — прогнила единственная точка опоры... Кхэ...

Во-от... А ведь как мне хотелось, чтобы мои способности принесли пользу. Например, пасешь лау при помощи моего метода — взлетел и все видишь: разбрелись лау или нет, бродит ли окрест кровожадный Хап или может гость едет издалека. Польза?.. Опять же

покраску возьми крыши: ведь обучи я всех желающих, мы бы все сами покрасили. Опять же, отправь меня учиться красить Северные стены — благо ведь!... Но что-то не хотят пришельцы, и в первую очередь «ЙЕС», планетников учить, на учебу отправлять. Что? Может быть, может быть... Все может быть, друг! Кхэ!...

Во-от... А совсем недавно два краснотрусочника в моем же доме меня скрутили, дубасят, а сами молчат. Я-то забылся, кричу: «За что?!» Потом уже вспомнил, что краснотрусочники вообще говорить не умеют, только дубасить могут. Тут один краснотрусочник письмо мне подсунул, а там написано, будто я занял место покрасчика крыш, которое должно по закону принадлежать пришельцу. И что этот самый пришелец только что, часа два назад, родился... Горе мое, горе: и контор свалился, и работы лишился, а тут, вдобавок, шерсть уже перестала расти. Кхэ!...

Во-от... В конторном городе мне никто не верит, разве что мои соплеменники. Но что бы они не говорили, это то же самое, что кричать в пустую стену конторы... Только позавчера получил от самого «ЙЕСа» письмо такого содержания: «Чтоб ты побыстрее сдох, протянул ноги, окочурился, дал дуба. Поверю в твои полеты только тогда, когда увижу тебя с подстриженными ногтями в гробу из консервной банки, сплетник и роководитель восстания, планетник затюканный!» И пр. и пр. в таком же духе. И подпись на одном листе — «ВА-АФ» ... Прочитал такое, за правое сердце схватился, а на левую — спирт вылил. Кхэ!...

Во-от... Облаял, короче и велел уматывать на какую-нибудь планетку, где ластаногушка лаушку не пасет...

И вот — встретил тебя, друг! И — душу отвел, рассказав всю свою историю. Правда, в очень сжатом виде, потому что рассусоливать некогда, видишь, комета движется эллипсоидно, а нам на твою планетку надо прямёхонько. Что? Что сказал?!... Ка-а-к!!!... Кхэ...

Во-от... И тебя с твоей планетки выслали... Но как ты сюда добрался, ведь дед утверждал, что вы даже не додумались еще до того, чтобы жарить мясо? А-а, пришельцы на своем корабле подбросили... Ну, где наша не пропадала, держись за меня крепко, крепче чем за свою жену... Что? А, не было жены, ну держись тогда просто крепко-крепко, как за друга! О-о-о, смотри, какая большая красная звезда! Махнем туда? И-и — оп! Полетели!... Ах, красота-то какая, а говорили, что небо в космосе черное-пречерное... Нет, найдем мы планетку, найдем... и будем жить, вот увидишь. Кхэ!...

Во-от...

97)

ЭТО

В последнее время по части промысла мне не везло: за месяц целый добыл только десять песцов, а до начала апреля, когда заканчивается охотничий сезон, срока осталось с гулькин нос.

Что значит десять песцов? Тьфу — и все!.. А забот у меня — ну, сами понимаете: технику обновить, продуктами запастись, одежду купить, семью накормить... Короче говоря, этих «то да сё» наберется не один десяток. Ведь даже у городского жителя с его жалкой квадратурой, расшатанными антресолями да балконами та-ко-е бывает хозяйство!... А я ведь в тундре живу, квадратура-то не ограничена. Имей, если душа желает, хоть тысячу кладовок.

Ну, еду, значит, на «Буране» проверять капканы. Бодро урчит снегоход, что выдан мне, как кадровому промысловнику, совхозным начальством: мотор у него от мопеда, рама от детской коляски, стекло — оконное, сидение — моя подушка, гусеницы — склеенные обувные щетки. Так что с запчастями у меня проблемы нет: все перечисленное продается пока в магазине.

Урчит мотор моего «Бурана». И у меня вроде бы как урчит в голове от шальных мыслей: вдруг на всех моих двадцати капканах по песцу лежит?!...

В общем, не поверите — вернулся с двадцатью песцами! Ну, прямо, бред какой-то... Я даже стал на небо поглядывать: не Бог-ли услышал мои слова да грешные мысли прочитал?...

В избушке содрал я шкурки с песцов, высушить повесил и все думаю о завтрашнем дне, о капканах своих: «Эх, хорошо бы завтра еще десять зверушек добыть! Тогда бы о плане беспокоиться не стал!»

Подумал так и даже перекрестился: кто его знает, может, Бог и в самом деле видит меня и пособлять намерен?

Пришло время спать. Залезаю в кукуль¹. «Дай Бог!» — говорю на сон грядущий. А ночью — и впрямь Бог снится... Безбородый, молодой. «Я молодею и старею» — объясняет Он, — и так всю жизнь. Надоело до чёртиков, тьфу-тьфу...

Вот, ищу человека, который мог бы согласиться посидеть вместо меня, да все какие-то такие (тут Бог красноречиво покрутил свой нимб), попадаются. «Деньги, — кричат, — дай! Талоны на мясо и на водку!» Я им кто: горсовет, поссовет или сельсовет?!

Вот и ты, только подлетаю на своей упряжке, слышу: «Дай Бог» говоришь. Подумал было мимо проехать, да остановился. Вижу, всё же рисковая у тебя работа в сложно-снежно-климатических условиях. Так что жди, завтра тоже подброшу. И ровно столько,

¹ кукуль — меховой спальный мешок

сколько ты просил. Но все это пока так — презент. Или, может быть, даже взятка. Отказаться хочешь — пожалуйста, сразу все исчезнет. Мне ведь не трудно накатать шаричек из снега и сказать: «Пшел, песец, в капкан!» А исчезнет еще проще: стоит лишь мне молвить — «ФУ».

— Хорошо, деваться мне некуда, — говорю я Господу, — а сколько мне сидеть-замещать Вас?

Услышав мои слова, Господь обрадовался, даже золотые коронки показались.

— Да, недельку! Всего-то навсего — семь дней!

— Семь дней?...

Я стал размышлять. Конечно, ну, кто заметит мое временное исчезновение! Ведь кроме белого медведя никто ко мне не захаживает, да и тот не особо интересуется моей персоной. Другое дело — съедобные припасы. Кроме того, если...

— Сто-ой! Кончай башку себе морочить, — мягко так прерывает мои размышления Господь. — Я ведь мысли твои читаю. Слушай, посиди, а? Я же вместо тебя потружусь — песцов ловить буду!

— Не-ет! — Тут я заартачился. — Вы, Боже, если раскатаете снег вокруг моей избушки и «наловите» глупых зверушек, мне потом в бухгалтерии...

Дальше потому ни звука не смог произнести, что Господь показал это... это... блестящую модель этой...

Короче, полез я наверх. Сижу на каком-то облаке. Кресло большое. Вместо ангелов пастухи ходят, оленей ловят. Вначале я еще подумал, что Господь меня обмишурил: вместо рая в соседнюю со мной бригаду оленеводов отправил, на помощь. У них как раз пастухов не хватает...

Тут я проснулся. Выпил холодной водицы. А на улице темно-темно! Не рай, само собой, тундра...

Осветил потолок — висят шкурки! Уф, легко так, стало. Полез опять в кукуль, не забыв сказать «Бог в помощь!»

Лето. Холмы цветами расцвели. На озерах — видимо-невидимо птиц. На равнине олени пасутся, ягельничают. А над ними, гляжу, человек идет. Сразу понял — Бог. Кто, кроме него мог пользоваться таким способом передвижения?.. Олени его не боятся. Наверное, для них, глупых, он не видим.

Подошел Господь и говорит:

— Ну, ты, даешь, парень! Обещал замещать, а сам слинял!! Вот уже лето наступило...

Надо сказать, Господь нисколечко не изменился.

— Не убегал никуда, — говорю, а сам, честно говоря, испу-

гался. — Просто ходил домой и воды попил. Жарко в раю!

— Ну так что? — спрашивает Господь. — Я попастушу, а ты давай поднимайся!

— Как? — удивился я. — Куда подниматься? Я — охотник, а не голодный пастух! Не пойду наверх, нет, не пойду...

— А чего на кочку расселся-то? — допрашивает Господь. — Пастух и есть! И олени, вон, жвачные, рядом!

— Не знаю, — признался честно, — воды попил, а потом гляжу — уже лето и вся эта декорация.

Крутанул на месте — показываю окрестности.

— Ну, конечно! — Обрадовался Господь, даже хлопнул меня по плечу. — У нас же встреча зимой была! Сейчас сделаю декорацию.

Вытащил Господь откуда-то рулон бумаги, разворачивает как стенку вокруг меня и кнопит. Вся-то работа, а мы — опять среди снегов. Чувствую, ноги мерзнуть начали. Вспомнил, лето было, а я босиком гулял. Чтоб согреть пятки, нагнулся. А там бумага лежит, с печатью. Большой шрифт. Написано «аренда», а внизу от руки приписка: «Захочу-отниму!» и подпись: «Директор!». Какой-то «директор», прочитать не успел, потому что сразу очутился на нарах, в избушке. Пот градом идет. Обтерся. Водички испил. Целую ночь осветил — всего-то минут десять вздремнул.

Не могу уже спать. Ведь как раз подумывал об аренде. Думал, что хозяином буду своего участка и вдруг такой сон.

«Ох, не к добру!» — подумал и поднялся печку топить.

Чуть рассвело, помчался к капканам. Как загадывал, так и получилось. Точь-в-точь десять песцов домой принес!

Разделяваю шкурки и стыд меня одолевает: иждивенцем ведь, вроде, стал. И у кого?!.. «Ладно, — думаю, — приснится Господь, посижу, потерплю вместо него.»

Приготовился к праведному сну. «Приснись, Господь!» — говорю. С тем и заснул. Долго Господь не являлся. Я даже несколько раз порывался проснуться, чтобы еще раз позвать его... Но потом стало проясняться и увидел я себя опять среди пастухов. «Транзитом отправил!» — подумал.

Сижу в кресле. Поесть мне приносят. А в миске совсем крохотный кусочек мяса.

— Ой, — говорю, — что вы так гостя-то не по — аборигенскому встречаете?

А они пожевали всухомятку свои ремни и отвечают:

— Ты, давай, лопай — а не то отнимем. На жратву-то нам выделяют одного оленя на месяц, вот и делим...

Понял я их. Да чего не понять-то: сколько лет рядом с ними

жил. Жалко стало их, помочь решил. Рукава закатал, две мозолистые руки вперед вытянул и глядя на большой котел, с полной уверенностью в успехе крикнул:

— Да будет мясо-о!

Котел качнулся, а мяса — нет! А пастухи уже ножи приготовили...

Тут, опять, слава мне, проснулся. Сердце брыкается в груди как испуганный олененок...

Полежал. О своей жизни поразмышлял: никому не нужной она оказалась. А ведь сколько же таких, как я? Наверное, миллиарды! Вкальываешь всю жизнь, а придет смертный час — ни оленя, ни сестей, ни даже своего дома нет, чтобы потомкам оставить... Бомж, иначе не скажешь. Но — трудящийся!

Лежал так, размышлял, повздыхал. Подушку поправил.

...Еду на «Буране». Вижу, Господь стоит. Руку поднял, голосует. Остановился. А Он сел на «Буран» и ухватился за меня.

— Куда? — говорю: — Это не такси!

— Ишь, сердитый какой? — удивленно рокошет Господь в затылок. — Как что — сразу «Дай Бог», а не нужен — слазь?

— Сердит я, Боже — говорю, — чего это Вы посадили меня транзитом на свое место, не посоветовавшись? Я ведь не смог голодающим помочь!

Рассмеялся тут Господь, ну, прямо трактор завелся:

— Да будет тебе сила и великие способности мои! — так торжественно говорит Он и протягивает мне перстень.

— Носи и пусть тебе поможет! — говорит.

Взял я перстень: черный такой, иссиня-черный, усеян звездочками. А в середине — Земля. Крутится сама по себе. СССР увидел, Германии видны. Нажал одну кнопку, вижу: увеличивает. Во-он Буш из Белого Дома выбегает к машине. Потом (по разговору понял) чукчей показывали. Потом тундра моя появилась. Гляжу, парень с девушкой — пастухи, земную радость испытывают.

— Вы, Господь, и такое наблюдаете? — спрашиваю, повернувшись к нему.

Гляжу, пунцовый стал лицом, глазками заморгал.

— Не стыдно, а? — спрашиваю еще раз. — Так можно ведь любого шантажировать! Не-ет, бери, Господь, перстень. Мне без него проще жить будет!

Слезает Он с «Бурана» и показывает это... это... лакированную, с разноцветными этикетками, модель этой...

Короче, проснулся я. «Включил» свое электричество — свечу: шкурки висят, «Буран» стоит...

Лег опять. Признаюсь, что эти странные сны вперемежку с недо-

сыпаниями порядком мне надоели и вконец расшатали нервную систему.

«Ладно, — думаю, — умертвлю-ка парочку-другую нейронов в мозгу, особо возбудимых. Зато спать буду без эксцессов. Проверено уже».

Решено — сделано. Выпил стакан НЗ водки и лежу. Жду.

Увы, сон улетел. Наверное, нейроны умирать не хотят. О жизни в масштабах Земного шара стал думать, об устройстве мира, о несправедливостях и, понятное дело, о номенклатуре. И о Господе тоже не забыл. Оказывается, и он — в номенклатуре!

— Ээ, так вот почему Он от жира бесится! — сказал я вслух. — Так и я бы не отказался от дел божеских, периодически отдыхая на Земле!...

...Гляжу, у озера стою. Русалки купаются. Вместо одежды на красотках — разнокалиберные сети с грузилами.

Увидели меня русалочки и замахали, и замахали! Интересно стало, начал штаны спускать, гляжу — а русалочки врассыпную кинулись к озеру и исчезли под водой.

Застегнулся, оправился. Думаю: опять их увижу, как есть, так и прыгну в воду. Давно ведь женского тела не видел, пусть даже хвостатого. Гляжу, забурлила вода на том месте, где русалки резвились и появилась... зеленая рожа. Вместо носа — бутылка, вместо глаз — пробки. Запах от гниющих рыб по ноздрям как ударит! И выходит из воды красавец сей и опять же сети разнокалиберные с грузилами висят на нем вместо одежды. Рога торчат... Водяной чёрт!

Вышел из воды и прямо на меня наступает, орет:

— Ты — рыбзавод?!.. Ты — рыбзавод?!

Пятюсь я назад. И от смрадного запаха, и от страшилы самого отступаю. И тоже кричу:

— Ты, чокнутый, где тут видел рыбзавод?!

И на всякий случай зарядил два капкана. Жду.

Увидел водяной чёрт мои захваты и успокоился:

— Значит, ты не рыбзавод? — спрашивает и садится на кочку. Да как схватится за голову, да как заплачет!

Опешил я — чёрт и... плачет.

— А что случилось? — спрашиваю, хотя сам уже начинаю догадываться, что brave рыбзаводовские кочевники этого славного озера не миновали.

— Прикидываешься! — визгливо прерывает меня чёрт и запускает в меня посохом.

Кажется, попал в меня, потому что проснулся я мгновенно:

от дикой боли на лбу. То ли это был сон, то ли явь — понять не могу, но лоб-то горит. Даже шишка наметилась.

«Ой, дурак! — ругаю чёрта. — Нет, чтобы просто поговорить, а сразу за дубинку берется, за посох.

А о Боженке не стараюсь думать. Как только мысль про него начинает проявляться в моих темных мозговых извилинах, сразу — стоп! Начинаю думать о другом.

На часы смотреть не стал, знаю, до утра еще как рано!...

Лежу в кукуле, о партии жизненной размышляю: если сюда этого поставлю. А может быть... нет, так тоже не получится. «Включил» свечку, вытащил из-под подушки журнал «Наука и жизнь». Там хороший шахматный уголок есть. Повертел немножко журнал, бросил на пол, свечку «выключил». Лучше про жену думать, про детей. Их у меня целых восемь, начиная со старшего сына, который в пятом классе, и кончая пятимесячной доченькой. Эх, думаю, надо, наверное, еще одного заказать. Слава бо... бо... нет, только не про Него упоминать! Скажу — слава Солнцу, осталось полтора месяца до встречи с родными. Подумал о родных и решил, что пора спать. Закрыл глаза и стал считать: «Один олень прошел совхозный, второй олень прошел совхозный, третий олень прошел совхозный... девятьсот девяносто девятый олень прошел совхозный... тысяча первый олень прошел — тут я пожалел пастухов и сказал — оленевода! Тысяча второй олень прошел совхозный... совхозный... совхозный... совхоз... сова... со-с-с...»

Снежная тундра. Вокруг оленьего стада кружусь на «Буране» и попутно проверяю капканы. Ничего удивительного: песцы по двое лежат.

Замечаю, Господь стоит. Посмеивается.

— Богатый ты становишься! — говорит Он. — А ведь не сослужил мне доброй службы!

— Не виноват я! — отвечаю, — сны дурацкие замучили. Один другого страннее.

— Закусывать надо! — с ехидцей говорит Господь и показывает это... это... с красивым прицепом для «этого», пять резервуаров с топливом...

— Это, э-э, — мямлю я при виде «этого», — это серьезно можно такое?

— Учти, — говорит Господь, — последний раз являюсь к тебе с просьбой: посиди — Я Прошу. Исполнишь, и будет у тебя такой же!

Сдунул тут Он со своей ладони игрушечную машинку и превратилась она в настоящий японский снегоход с пятилетней гарантией работы, с тягой до пятисот килограмм и с бесшумным ходом.

— У японцев позаимствовал! И горючее для него, и масло

тоже... — Господь похваливает машину. — Ну, согласен посидеть? — спрашивает.

— Да-а-а! — кричу я и от своего же крика просыпаюсь.

Шкурки песцов Господь оставил, и на том Ему спасибо.

План свой я выполнил, только вот в бухгалтерии сказали, что у тебя, мол, слишком много денег к оплате получается. Больше, чем у самих бухгалтеров.

Я и ушел с охотничьего промысла: пусть теперь бухгалтера охотятся да план по пушной добыче выполняют для совхоза.

Если кому приснится Господь, сообщите мне.

Мой адрес:

Не дом и не улица, Советский Союз, тундра.

205-й поворот-излучина реки Алазеи.

МОНОЛОГ ПОСЛЕДНЕГО ЧУЧУНЫ

— Ух, ты-ы!... Ну и приземлились!...!

Ну, а ты себя как чувствуешь, браток?...

Молчишь... Эх, красота-то какая, правда?...

Успел я, понял, успел!... На доли импульса!...

Эх, хорошо-то как — успел и, гляди, на кого стал походить?...

Сейчас, правда, толком понять тебя я не смогу... Случилось что-то странное, у меня проявились новые способности. Я умею... выражать свои мысли вслух...

Слышишь?...

Молчишь...

Я все же верю, что мы снова будем вместе, потому что мое превращение еще не означает конца того удивительного, что с нами происходит. Я верю, что и ты ждешь своего превращения...

Бра-ат?...

Молчишь...

Когда ты дернулся, я подумал, что ты слышишь меня и хочешь встать...

Не знаю, понимаешь или нет меня сейчас, но все-таки ты обретешь такой же дар, что и я. Только не молчи, ладно?..

Ты вот зыркаешь своими буркалами, а уловить их смысла не могу. Ведь я смотрю на мир примитивнейшим человеческим глазом..

Брат, посмотри вокруг себя — это что-то фантастическое! Это ведь не одно и то же — видеть в мониторе или наяву...

Слышишь?... О, какие тонкие мелодии выводит этот крылатый комочек пуха!...

Ха-ха! У нас нечто похожее на такие звуки издаёт гигантский ящер. Впрочем, у него я больше люблю детёнышей: симпатичных и ласковых...

Такое ощущение, словно я дома, но все вижу в уменьшительное стекло...

Слышь-ка... это сосед нашего пушонка теперь поет...

Ха-ха! Может, это у них разговор такой?.. Брато-ок, ты ведь еще не до конца превратился и потому должен их понимать! Что они сообщают друг другу?..

Что-о?!

Не-ет, увы, я перестал понимать не только тебя, но и этих — пушистых...

Увы, браток, увы! Да и глазами говорить отучился...

Проклятие — это, по отношению к нашей, какая-то перевернутая планета. Там молчим — понимаем, тут разговариваем — ничего не

! Все многоточия обозначают не только паузу, но и действия, присущие человеку, выпившему стакан водки.

разобрать...

Что?..

Как!..

Ничего не пойму, попробайся еще раз...

По-пы-та-ай-ся-я!!!

Что-что?..

Хрипишь, глаза меняют цвет, а понять не могу — забыл...

Как-как?..

Ну, понять друг друга нам тут не удастся, а ведь, как-никак, вместе лет сто пролетали.

Закрой глаза!!! Ч-черт этакий...

Ба! Смотри, странный белый лоскут, так похожий на выхлопной дым, летит над нами... вот — еще... Может быть, это живые существа. Двигаются, значит — живые существа!..

Эх, браток, браток...

Подвела тебя твоя самоуверенность!.. Как пить дать...

Ох, подвела, проклятая... Ну, почему, почему ты должен был именно на этой планетке настоять?! Ведь за сто лет всякое бывало, но не такое... Думаю, в этом я и сам виноват...

О-о!.. Глянь-ка, а браток-то начинает превращаться!..

Ну, ЛОЙХ — Всевышний наш, значит, ты сжалился над ним и мы с братом снова будем вместе!..

О-о, Лойх — спаситель и утешитель наш в долгом пути, благодарю тебя за то, что мы будем радоваться общению, вместе будем удивляться причудам этой зеленой планеты!..

Хвала тебе — ЛОЙХ; спутник наш в длинном нашем пути, Бог наш всевидящий! За то, что мы будем бродить по этой зеленой планете, выделяющей живительный газ для своих обитателей, будем дышать, нюхать и трогать все, что есть на нем, без скафандра.

Что это?!.. Как!... Почему?.. Браток, чем дальше я становлюсь человеком, тем больше начинаю терять все нам присущее..

Смотри, я трогаю этот цветок и уже не ощущаю его дыхания.

Браток, а браток...

Этот запах становится невыносимым... Кажется, я стал человеком...

Ха! Наверное, ты прав: так хочется съесть что-то...

О-у-у! Проблеск мысли... да, да, да — точно: так и вышло. Наш компьютер выдал все физиологические данные: у меня появились сопли! Ха-ха, тьфу!..

Браток, а браток?..

Счастливец: ты, наверное, все еще контактируешь с нашими, а я только с самим с собой...

Э-эх, скорее бы ты превратился во что-нибудь, и мы смогли

бы вернуться к нашим. Они ожидают нас за... как это у них называется... а-а, Луной...

ЛОЙХ далек от нас, видимо... Или мы и его лишились, став людьми. Ведь у них, наверное, другие Боги?..

А ведь говорил тебе: не стоит рисковать, до добра не доведет...

Молчишь, сво... извини! Фу, ругаюсь... Верно, очеловечился.

Браток, извини, придется твои глаза завязать, смотреть в них боюсь, правда-правда!.. А мои-то какие, увидеть бы...

Смотри!.. Ах, черт, я же успел завязать тебе глаза. Ладно, один буду говорить, а ты слушай, если слышишь: такое смешное животное, ха-ха...

Побежало: четыре ноги, которые друг другу мешают, и дерево на голове, ха-ха!.. Как оно называется?.. О-ле.. Олень!.. Так и называется — олень!

О-о-о! Боль в голове, м-м-а-а-а... Какая жуткая боль...

Счастливец ты, браток: контактируешь с нашими; а я в страшных мучениях... у-у-аа!!!

...Ну, чего все лежишь, браток, вставай! В отличие от тебя мне хочется ПОКУШАТЬ. Странное желание...

Э-э, браток, а ты, оказывается, опять вернулся в первичное состояние...

Слушай, а... ох, черт, ты ведь меня не понимаешь...

Вообще-то, если признаться честно, я бы тебя...

О-о! А ты опять начал превращаться! Интересно, в кого: ведь у людей волосы так густо на голове растут, а у тебя — на заднице. Ха-ха!

Не-ет, что ни говори: а ведь глупый ты, браток...

Но, странно, что же мешает твоему превращению в человека? Может, сильное магнитное поле планеты? Или плотность воздуха? А, может быть, кислород всему помеха?...

Фью-ю, смотри: зверушка из-под кочки выглядывает и тарашится на нас!..

Как ты думаешь: съедобна она или нет?...

Погоди-ка, сейчас пораскину своими человеческими мозгами и постараюсь узнать, что это за зверушка. Назы... назы... вается, а-а, называется она МЫШКА!..

Слышь, браток — это мышка. Едят ее люди только тогда, когда грозит смертельная голодуха...

Глаза у мышки, как глазенки твоей невесты... Может быть, у мышки телескопические глаза, а?...

Ха-ха, браток, ты, я вижу, уже обретаешь ноги, спеши, неровен час... Час, что это такое... а-а, это единица деления здешних суток, а по нашему... вот черт, забыл...

Гляди, те лоскутки на небе, оказывается, облака!... Мой мозг сообщает, что будет до-ждь... Ну, это когда с неба вода капает!

Гляди, Солнце у них закрывается облаками...

Постой, а ладони мои уже не генерируют тепло. Почему? Ведь при таком Солнце — о-о, благодать! — нам не нужно было бы строить дорогостоящие, как его... вот голова, а!...

Да и что-то прохладно становится, кажется, уже человеческую кожу обрел. Что бы подложить под задницу? А-а, требуется траву сухую нарвать и сидеть на ней...

Ну-у, браток, это ты даешь — зачем тебе такие руки -то, да и когти странные, на мои не похожие...

Но я и этому рад, браток. У меня зародилась надежда, что мы снова обретем друг друга — в этой человеческой жизни. Ведь жить нам тут десять суток, а по нашему — десять часов! Всего-то навсего...

Ха, что это у тебя еще за отросток такой появился?... А-а, это — хвост!!...

Постой, а зачем тебе хвост?!...

А-а, ладно, пусть хвостатый будь или трижды хвостатый, лишь бы стоял рядом, правда?..

Гляди, то есть, сообщаю тебе, что на сопке показались олени. Да, олени и тянут они... да, нарты...

Браток! Там — люди...

Но какие они странные... Ну да, это ведь — оленеводы!...

Оленеводы живут здесь, они охраняют оленей, берегут их, а потом съедают...

Может быть, пойти к ним и объяснить ситуацию?...

Но, видишь ли, я — голый! Проклятый Преобразователь опять не позаботился об экипировке.

Может, сказать им, что я — этот... первобытный?...

Вряд ли поверят... У-у, как больно голове...

Сволочи! Кажется, начинаю понимать, что они задумали там, в Станции. Сделать нас полноценными людьми, поселить здесь на время, а потом только забрать...

Ох, если бы раньше догадаться... Значит, нам предстоит жить здесь неизвестно до...

Помнишь, мы тоже проделывали такие опыты. Вспомни планету Ачча и двоих наших, оставленных на ней. Это мы называли Вживаемостью...

Ха-ха, браток, ты уже стоишь на четырех ногах, только шея да голова — твои. Превратишься — мне спасибо скажешь: потому что это я тебя спас, благодаря своей находчивости. Вовремя завязал глаза.

В общем, браток, давай, поторапливайся...
А люди, браток, уже спускаются с сопки... длинный у них...
да, аргиш. Кочуют.
Молодец, браток, уже мехом покрываешься!
Странно, конечно, что ты не становишься человеком: какая-
то аномалия мешает тебе...
Браток... браток! Увидели бы тебя в Станции, ха-ха!..
А шерсть у тебя теплая... Ты и тут меня переплюнул — я голый...
Ой!..
Ты когтями царапнул меня: видишь, кровь появилась...
Придется вот этой палкой ударить, чтобы больше не царапался:
вот так... вот так...
Чего хрипишь? А мне не больно?..
А кровь-то... теплая! Оказывается, вот почему этим
людям генерировать энергию Солнца не надо. Вот это их
свойство надо перенять...
Смотри, я закрываю рану, а кровь все равно течет... Да-а,
да-а, если уж превратились, то всегда будем чувствовать боль,
а умрем — никто нас не спасет... У нас же просто заменили бы
энергонесущие органы...
Чем рану-то завязать?..
А-а, сниму-ка твою повязку с глаз...
Ой, ну и глаза же были у нас, со страху умрешь...
А-а-а, го-ло-ва-а... как больно...
...Слабая у людей голова, правда, э-э-э, как тебя... ну, звал
тебя как-то родным словом, а теперь — забыл...
Смотри, люди к нам поднимаются... Ой, голова-а...
...Ты на меня так злобно смотришь... И клы-клыки пп-показы-
ваешь...
Ты — ВОЛК!!!
А-а-а-а!!!
Не дого...
Сво...
Закон...
наш...
нару... шил...
«Не полу...
не получается...
вер... нись...»
А я...
А я бо.. бол...
тал с то-тобой...
А-а-а...

Газета «Новости тундры» сообщила, что на маршруте бригады №8, во время кочевки, оленеводом Этикачаном был застрелен волк, напавший на неизвестного человека. Неизвестный был абсолютно голый. Не приходя в сознание, потерпевший умер.

Судебно-медицинский эксперт Неверкин И.И. сказал, что объектом нападения хищника был обыкновенный человек восточного происхождения, голодный, сильно пораненный.

Тундровики всё же предполагают что оленеводы, на самом деле, обнаружили тело одного из тех легендарных чучуна, о которых рассказывали им отцы и деды.

Подробнее о чучуне можно услышать во время экскурсии в местный краеведческий музей. Там же выставлено чучело убитого волка.

ГОЛУБАЯ ПЛАНЕТКА

— Командир! Мы вошли в пылевой выброс кометы! — закричал пилот Эрбэч, услышав пронзительную трель, издаваемую автопилотом, предупредившим об опасности и выученно бросив взгляд на экран слежения.

— Включить гравитационную защиту! — раздался спокойный голос Командира. — Я спускаюсь.

— Эрбэч, смотри! — Послышался взволнованный голос Бади, Главного Радиопеленгатора, супруги Командира. — Основной Дальний Пеленг срезан крупной частицей выброса, о, Хойл!¹

Побледневший от напряжения и от неожиданности, Эрбэч развел руками: что мол, поделаешь, поздно.

Вдруг Станция погрузилась в темноту — это сработал второй предохранительный экран, закрывший иллюминаторы. Зеленые, фосфорисцирующие огоньки приборов исчезли при свете вспыхнувшего аварийного освещения.

— Защита сработала, скорость. — 50 километров!² — доложил Главный Навигатор Эпп, показав растопыренные шесть пальцев левой руки, что означало: все в порядке. Затем, скорее всего обращаясь к Бади, сказал:

— Пеленг твой не потерял скорости и летит за нами с отрывом 30 километров. Придется тебе и «оглядываться», Бади!

Со времени восклицания Эрбэча и последних слов Эпп, обращенных к Бади, прошло немногим больше минуты.

Командир, уже сидящий в самопристегивающемся кресле, облегченно вздохнул:

— Ну, вот и ладненько!.. Эпп, если не врут приборы, мы следуем по кишку-выбросу кометы бродяги. Так что измени-ка курс на 90 градусов и прибавь скорости — до 100 километров. Авось, вырвемся из этой лавины грязи и льда.

— Сделано, Командир! — тотчас откликнулся Эпп.

Спустя мгновение, навигатор сообщил:

— Пеленг помчался за бродягой словно гончая, опасность столкновения миновала.

Но космолетчики вздохнули облегченно только тогда, когда воочию убедились в том, что пылевой выброс исчез.

Первый пример подала Бади — вынув из нагрудного кармана баллончик, она опрыскала лицо и шею. Снимая таким экстренным способом стрессовое состояние, не забывала причитать: «О, Хойл, последний Пеленг не уберегли!.. Как продолжать путь без Дальних Волн, ума не приложу...»

¹ Хойл — Бог

² 1 инопланетный километр равен, — нашим 1000 км

Секундами позже она вновь обрела спокойствие, деловитость и начала готовиться к дальнейшей работе: она включила Главный Компьютер Пеленгатора. Впрочем, то же самое готовились делать и другие космолетчики. У каждого из них были свои Главные Компьютеры, что облегчало поиск решений, относящихся сугубо к их профилю работы. Только при тупиковых ситуациях они имели право обратиться за помощью к Главному Компьютеру Станции и к Архиву.

В отличие от Бади, мужчинам, спасшим Станцию и ее обитателей, волноваться не было причин. Такие переделки уже были им не новинку и даже стали обычными, вызывая порою приятное возбуждение. Это напоминало бывалым космическим волкам полузабытую охоту на куропаток. К тому же слаженная работа команды, незримая для них, уже шла и они знали об этом. Пылесборники, анализаторы и прочая техника уже действовали вовсю. Данные, обработанные в соответствующих подразделениях, стекались в Главные Компьютеры каждого космолетчика.

Когда все пришли в себя и обстановка разрядилась, Командир стал усиленно жевать ломтик сушеного оленьего мяса: ароматное, чуть прокопченное мясо было его слабостью.

Кусочек мяса, снимая стресс, напряжение, взрыв физических усилий, одновременно возвращал его в детство: к воспоминаниям о родителях, о родной планете. И был как бы допингом; казалось, что мясо обостряет ум, поднимает интеллект.

И сейчас, наблюдая в отражатель заднего обзора за Бади, подпрыгнувшей, чтобы достать с верхней полки запасной коротковолновик, он думал, что с этим приборчиком они ещё нахлебаются неприятностей: радиус его действия ограничивался всего 100 миллионами километров — ничтожно малое расстояние.

— Командир! — прервал его раздумья Эрбэч, подавая светящийся компакт-экран. — Вот данные кометы: диаметр по ширине выброса — 50 километров, длина хвоста — 2 миллиона км, масса — лёд, температура в пылевом выбросе — минус 500.

— Отлично! — Командир, только что изжевавший первый кусочек мяса, не спеша вынул из пакета другой. — Эпп, все двигатели на НОЛЬ!

Двигатели остановились, а Станция по инерции, с почти такой же скоростью, стремительно неслась вперед.

— Эпп, срочно: периодичность и скорость, а также возможный маршрут кометы! — Командир включил свой дисплей.

— Данные Главного Компьютера Навигатора, Командир. Передаю...

На дисплее Командира заплясали цифры, дающие представление о возможном маршруте полета кометы-бродяги.

Командир ей уже дал имя — ОРАН.

Бади, хлопотавшая все это время с коротковолновиком, что-то вспомнив, подскочила к своему дисплею и, изучив запись выходных данных, взволнованная, тонко засвистев, подала пластинку мужу.

Свист Бади оказался настолько неожиданным, что в кабине установилась тишина: на мновение все замерли и только напряженные взгляды говорили, что мужчины застигнуты врасплох.

Разрядило обстановку нежное воркование Бади, понявшей, что подала ложный сигнал тревоги.

— Извините, совсем из головы выскочило, да и свист получился случайно, — сказала Бади, схватившись за мочки своих больших ушей. Жест этот означал просьбу о прощении.

Космолетчики, в знак помилования, дружно показали Бади кулаки и вернулись к прерванным занятиям.

Не выключая свой дисплей, Командир начал читать надпись на свободном поле пластинки Бади и в волнении стал массировать высокий лоб: «Сигнал... сигнал... Ах ты черт! Надо же — срезан Пеленг, и когда... черт!»

— Бади, — обратился он к жене, — есть у тебя координаты последней пеленгации?

— Есть, дорогой: Пеленг был срезан в тот момент, когда мы принимали начальные сигналы, если только были сигналы. — Бади подкатила в своем кресле к Командиру, поцелкала на клавишах его дисплея. — Вот след пылевого выброса, а это — первые два сигнала. А вот это — контролирующий код, который после отрыва Пеленга все еще что-то принимал, но из-за помех, созданных кометой, сигналы были «проглочены».

— «Бии сину»... Что это могло быть, Бади? — Спросил Командир, так и сяк поворачивая пластинку. — Мусор это или настоящий сигнал? Что сообщает твой Главный Компьютер?

— Главный ведет обработку, но данных пока не выдает, — сказала Бади и вернувшись на свое место, стала настраивать коротковолновик.

Эпп, обстреливавший пространство по курсу нью-лучами и монк-импульсом, сообщил, что интересен только объект под кодовым названием «К-300Х», хотя и маловероятен для обследования: сильно удален.

Призывный сигнал Главного Компьютера Пеленгатора оторвал Бади от работы.

— Расшифровка не удалась, хотя отработан миллиард возможных вариантов, — сказала Бади, покачивая головой. — Но если добавить размытые сигналы, которые записаны контролирующим кодом, то выявляется какая-то закономерность. Главный сообщает,

что этот сигнал подан разумным существом, владеющим слоговым словообразованием.

Командир в раздумии закрыл глаза: ему очень хотелось верить, что сообщение Эпп и данные Компьютера Бади имели одну исходную точку — объект «К-300Х». А почему бы и нет?

— Защиту снять, курс — объект «К-300Х», Эпп! — приказал Командир, в душе желая молчаливого повиновения экипажа.

Он облегченно вздохнул, услышав:

— Есть снять защиту, курс «К-300Х»!

В подобных случаях решение должно было приниматься лишь Советом экипажа, а не им — Командиром.

Полеты в Дальнем космосе, когда Пространство и Время становились понятиями относительными, даже привыкшим ко всему космолетчикам давались нелегко. Первым пилотам вынуждены были убирать из мозга узелочки памяти, но и эта мера предосторожности не оказалась действенной: подушечки пальцев ног и те носили в себе воспоминания о прошлом. К тому же, вернувшись из рейсов космолетчики, после обратного вживления узелков памяти, не могли восстановить её в полном объёме.

Леса, поляны... Небо и высохший стебелек...

Правда, за последние пятьсот тысяч лет удалось (и не только при помощи химии: баллончики для снятия стресса), введя специальные законы, которые стали нормой поведения, ритуалом — понизить подчиненность космолетчика от воспоминаний о прошлом. Особенно это отрадное явление отмечалось у членов транскосмических экспедиций, отправляющихся в рейсы на тысячу и более лет. Но и в этих замкнутых пространствах Станций воспоминания о прошлом полностью не исчезали: все равно кто-то или из родителей, или из обслуживающего персонала рассказывал детям о родине, о травах, о каплях дождя...

Одной из таких Станций была и эта.

— Ну что-ж, Бади, теперь уточним положение Пеленга в момент отрыва от Станции. А вы, Эпп, зафиксируйте это положение у себя по карте разведчиков.

Командир откинулся в кресле и стал ждать.

Ждать в этой — начиненной автоматикой и сверхсовременной электроникой Станции, летающей в Пространстве без малого 456 лет — пришлось недолго.

— Это Галактика «Я», до которого долетели наши разведчики, — начал Эпп. — Бади сказала (та, соглашаясь, кивнула), что судя по контрольному коду улетевшего Пеленга, разница составила пять градусов. А в Пространстве это — большой угол...

— Выходит, что наши разведчики просто не долетели до разумных, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, существ! — Сказал Эрбэч,

проводя взглядом пронесившиеся мимо астероиды и, усмехнувшись, добавил: — Вернулись! Ишь ты, кровосмешатели!

— Было бы, Эрбэч, было бы! — насмешливо ответила ему Бади, включив робота. Ожившая машина нагнулась, выпрямилась, откинулась, крутанулась на оси, соединяющей туловище с подобиями ног.

— Было бы, Эрбэч! — повторила Бади и выключила робота. — Он готов к выходу.

— По сравнению с доходягой разведчиков, наша Станция — последнее слово технической мысли! — сказал Эпп, похлопывая по крышке дисплея. — К тому же, разведчиков было только две семьи и не их вина, что вынужденно они вернулись раньше срока. Ведь поступив разумно, они спасли не только свои жизни, но и бесценные результаты исследований. Которыми, между прочим, мы пользуемся по сей день. Разве не так?

— Все это так, спорить никто не собирается, — согласилась Бади и добавила. — Пора выводить робота наверх. — Эпп, на сколько сможешь, погаси скорость — как бы нам и его не потерять!

Увлеченные разговором и работой, они не заметили, как Эрбэч сосредоточенно изучал синюю пластинку Бади и маршрут полёта. Видимо, его что-то заинтересовало, да так, что незаметно оглядев товарищей в зеркало, он стал осторожно крутить штурвал руля влево.

Когда робот вернулся и все уселись на свои места, замигала аварийная лампочка Навигатора.

«Внимание — отклонение от маршрута!» — засветилась надпись на экране слежения.

Командир уже собирался отдохнуть в своем семейном отсеке, но какое-то предчувствие удержало пока его в кресле. Это было как знамение, и оно никогда его не обманывало. Все открытия (хотя и не столь значительные) предвосхищались обычно таким вот состоянием. Он стал суверен, потому что редко обманывался.

Сейчас ему нужно было находиться тут..., у пульта управления... среди кнопок и тумблеров, среди разноцветных лампочек, среди неуловимого запаха приборов. Тут думалось легче, зримее, шире.

— Эрбэч, ну и ты, Эпп, можете идти спать. Отдохните, — сказал он, включая расположенную на спинке кресла красную мигающую лампочку, означавшую: «Команду беру на себя, все приборы переключить на меня!» — А Пеленгатору — остаться, пока не настроит волновик на «К-300Х».

Эрбэч, обеспокоенный приказом Командира, крепче вцепился в подлокотники кресла, то и дело бросая тревожный взгляд на приборы: ему опять пришлось направить Станцию на «К-300Х» после

сигнала аварийной лампочки Навигатора.

— Да, вот ещё что, — продолжал Командир, — я решил, что после детального обследования Галактики «Я», поставлю вопрос перед Центром о возвращении обратно... Без потерянного Дальнего Пеленга, кстати, десятого по счету, сейчас нам в Пространстве делать нечего.

— Мы же... мы же... — взволнованный Эрбэч вскочил и показал рукой в сторону иллюминатора: в крошечную тьму Пространства, — не повели даже половины исследований, намеченных по пат! Мы ведь должны был вернуться через сто лет? Так много теряем времени!..

— Без Пеленга нечего делать, Эрбэч! — Бади закрыла глаза и прошептала. — В конце концов, мы не разведывательная, а Исследовательская Долгосрочная Контактная Станция Разума. Шнырять туда-сюда, подобно волчку, нам не стоит. Всякая непредвиденная случайность может уничтожить то, что мы накопили за столь долгий полет.

— А нельзя-ли нам просить Центр, чтобы он послал нам транспортный корабль с Пеленгами? — Эпп, сказав это, виновато улыбнулся. — Понимаю, что ляпнул глупость, но возвращаться я бы тоже не спешил.

Эрбэч хихикнул, да и остальные не удержались.

— Командир вообще-то прав, — сказал Эпп, помассировав шею. — Главное, что нам наказали в Центре — это беречь себя, беречь детей, беречь материал... А три миллиарда километров при скорости, с которой летит Станция — что поесть сейчас, лечь спать и проснуться через 24 часа. Зато обследуем Галактику «Я», может, и повезет. Ведь не зря говорят, что когда нужно — вряд ли найдется что поесть, а когда не нужно — бери, не хочу!

— Эрбэч всегда пунктуален и дотошлив, но почему-то Станция отклонилась от маршрута. Думаю, что это первое серьезное предупреждение: мы начинаем испытывать чувство неудовлетворенности своей работой и ... — Бади как-то странно посмотрела на пилота, затем продолжила, словно забыв о том, о чем только что сама говорила. — К тому же добытые и обработанные нами материалы в тысячи, миллионы раз точнее, чем грубые пробы разведчиков. В этом Эпп прав. «Жизненный фактор, — говаривал Учитель, — не должен приноситься в жертву...»

— Ну-ну-ну, согласен, — примирительным тоном сказал Эрбэч, — куда уж против троих попрешь!

— Что-ж, будем считать, что решение принято: после обследования объекта «К-300Х» и его окрестностей, вернее, Галактики «Я», мы возвращаемся домой по кратчайшему курсу, — подытожил разговор Командир. — А теперь отдыхающим прошу покинуть

Пульт.

Эрбэч повертел синюю пластинку Бади и показал на горло: он просил слова. Значит, произошло что-то серьезное, если космолетчик прибег к такому способу, чтобы привлечь внимание товарищей.

Первейшим правилом среди экипажей межгалактических Станций, работавших в Пространстве, было обязательное вынесение на суд коллег любых, даже пустяковых, сомнений, выводов, пусть даже касались они сугубо семейных вопросов. Это правило было выработано первыми разведчиками, чтобы в зародыше пресекать конфликтные ситуации, которые самым губительным образом отражались на жизни маленького коллектива. А сколько кораблей пропали в Пространстве, были уничтожены из-за маленького, забредившего душу космолетчика, вопроса. Появлялись чувство зависти, злость, отрешенность, одиночество, порождённые порой самыми благими намерениями — вовремя не понятыми и отвергнутыми другом или коллективом.

«Коллектив, — наставлял космолетчиков Учитель, готовя их к полету, — это дитя в утробе матери, а мать — это Истина!»

Эрбэч подошел к пульту:

— Я виноват, тысячу раз виноват, но в момент, когда я изменил курс, мной двигало совсем другое побуждение... Бади права, я стал сомневаться в решении коллектива, потому что мнение коллектива — это множество слов, из которых трудно сразу выудить то нужное, что меняет ситуацию. Но главное, что заставило меня действовать не откладывая, вот что: помните, Командир, когда мы изучали данные Главного Компьютера — по поводу сигнала «Биисину» — я запросил из Архива запись приборов Станции, которая до нас проводила исследование Галактики «Гэлэ», что соприкасается с Галактикой «Я». Так вот, запись у них интересная, посмотрите.

Сгрудившись вокруг Командира, космолетчики стали всматриваться в понятный только им графический хаос на пластинке, принесенной Эрбэчем.

— Странно, что у них уровень сигналов постоянен, — удивилась Бади и стала мурлыкать песню. Пропев немного, обратилась к друзьям. — Улавливаете?

— Эта запись как раз на границе кривой, предполагаемой траектории полета кометы. Оттуда, где мы выскочили из её хвоста, — сказал Эрбэч. — Видите: мы как раз находимся по отношению к их сигналу в градусах семидесяти.

— Все-таки, как песня, правда? — Бади опять стала петь.

— Никакой связи, Бади! — Эпп рассмеялся. — Так можно любой сигнал пропеть, даже от плохонького метеорита.

— Я понял! — крикнул вдруг Эрбэч, остановив Бади и сам начиная петь.

— Я думаю, что тут надо проверить. — Бади вложила архивную запись в дисплей. — Видите: постоянность уровня, ритмичность. Очень похоже на «ФА-МИ-РЕ»... Теперь вставляем рядом наш «Биш синус» и то, что было поглощено пылевым выбросом кометы, но все-таки принятое контролирующим кодом... Видишь, Эрбэч, уровень рисунка и ритмичность опять почти идентичны. Может быть, только чуточку изменены: ну, вроде бы изображают «ми-си-ля», а не «фа-ми-ре», как наш.

— Резонно... Но вот что меня заинтересовало в данный момент... — Командир встал и стал прохаживаться. От пилота к Навигатору к Бади и обратно. Сделав два круга, остановился у Навигатора. Постояв, сказал:

— Меня вот что заинтересовало: почему они шли на «Гэлэ», но зафиксировали сигналы с «Я»?

— Что-ж, пусть на это дает ответ Архив! Делаю запрос, — Эпп стал постукивать по клавишам дисплея. — Ну, а пока дело доводится до ума, хочу услышать от Эрбэча его индивидуальный ответ на этот сложный вопрос. Как же ты, дружище, дошел до этого решения своими извилинами?

— Лет десять назад, во время отдыха, я решил посмотреть маршрутную линию Пилота-соседа, который к этому времени уже умер, а сама Станция находилась в Центре. Имею в виду исследователей «Гэлэ». Так вот, — Эрбэч повертел синюю пластинку Бади, — если сказать коротко: я запросил данные не только о маршруте полета соседей, но и обо всем интересном, что происходило с ними в пути. Мне хотелось быть начеку. К сожалению, из-за аварийной тревоги, тогда успел обратить внимание только на эти сигналы. Помните, чуть не напоролся на астероид?

— Ясно! Но почему наша Станция отклонилась от маршрута на «К-300Х»? Я уверен, что угол наведения был точен... — Командир нетерпеливо поглядывал на дисплей, ожидая ответа из Архива.

Эрбэч виновато улыбнулся:

— Судя по отраженному сигналу, «К-300Х» не заслуживает столь пристального интереса — мы ведь летим чуть ли не вслепую: лишь бы прибыть в намеченный квадрат, набрать анализы и удалиться восвояси?... Я надеялся, что маленький угол, всего в 0,0001 градуса, не будет большим отклонением. И, конечно, надеялся на повторный приём сигнала «Биш синус».

Заморгавший экран дисплея собрал их вместе.

— Комета?!

Они переглянулись. Не веря увиденному, вновь уставились на экран.

Все они ошибиться не могли...

— И у них — комета! — наконец обрел дар речи Эпп.

— Большой пылевой выброс, так же как и у нас, явился причиной появления нового сигнала. Как и у нас... Как и у нас... — Бади машинально повторяла, пытаясь найти какую-нибудь зацепочку.

Дисплей неожиданно изменил цвет: выдал новую информацию. Обрадовался этому только Эрбэч:

— Смотрите-ка! У них было отклонение Пеленга из-за выброса! Комета поможет нам разобраться, друзья! Причем, смотрите, это как раз кривая той кометы, что лишила нас Пеленга!

— Но комет-то летает миллионы, если не сказать — миллиарды! — остудила его пыл Бади.

— Не знаю почему, Бади, но мне нравится то, что говорит Эрбэч, — сказал Командир, усаживаясь на свое место и выключив сигнал «Команду беру на себя». — Это было очень интересное сообщение. Эпп, срочно данные нашей и их кометы!

Во время паузы, когда Эпп набирал данные и делал запрос в Архив, космолетчики с тревогой ожидали решения своей судьбы: если данные хоть мало-мальски совпадут, им предстояло лететь вперед!

Голубой экран дисплея заморгал и все увидели, что данные о комете столетней давности и теперешней совпадают... полностью. Кроме, может быть, ничтожных отклонений в размерах кометы: первая была на 80 километров больше.

— Если это одна и та же комета, — проворчал Эрбэч, — то она сыграла с нами злую шутку.

— А, может, и добрую шутку! — Эпп показал на дисплей. — Смотрите, когда они ворвались в струю выброса, антенну их Пеленга повернуло на 19 градусов влево, что грозило отклонением курса Станции на громадные расстояния. Экипаж спохватился слишком поздно. Только тогда, когда странные помехи непостоянством своим и необычной частотой вызвали протест Навигационного Компьютера... К счастью, они не потеряли Пеленга.

— Ну, а что тут является самым существенным? — спросил Командир. — Почему и тут Пеленг сыграл главную роль?

— Да потому, что сигналы у них и у нас идут непрерывно. — Эпп изменил программу и на дисплее появился график сигналов. — Видите, все сигналы находятся почти на одинаковом уровне, через пятый промежуток, грубо говоря.

— Как в ритме танца! — Бади слабо улыбнулась, словно не веря этому и как бы утешая других.

— Во-во! Танец, песнь...я...я — протянул Эпп. — К сожалению, это может быть и действие вулканов...

Возникла большая пауза: радость открытия Разума омрачилась душем сомнения. Каждый из космолетчиков занял свое место. Взоры всех были устремлены в бесконечное Дно Пространства: увы, просвета не было...

Бади плакала, не замечая, что крутит ручку управления коротковолновика.

Командир, на душе которого тоже было нелегко, подошел к жене и направил ей в лицо струю из баллончика — снять стресс. Очнувшаяся Бади, оставив в покое ручку управления коротковолновика, встала:

— Зачем ты сделал так, Хойл мой! Ведь плачу я по-настоящему, может быть, впервые... Хойл, как мы одиноки...

Командир обнял жену, усадил.

— Эпп, вычислить район, откуда исходили сигналы! — приказал Командир, усаживаясь на свое место. — И, соотносясь с данными соседей, определи маршрут к сигналам.

Вскоре все вычисления были сделаны и Станция устремилась вперед, к источнику неизвестных сигналов.

Бади, вдруг ставшая ко всему безразличной, надела видеоочки, принадлежавшие семье Эппа и заговорила с Пойэ — женой Главного Навигатора:

— Пойка, до чего обидно, ну, вроде бы по всем параметрам «они» должны были находиться где-то совсем рядом и вдруг получается, что это всего-навсего действие простейших вулканов... По правде говоря, мы все забыли про эти вулканы, все загорелись мыслью, что «они» — рядом!

Пойэ, химик-аналитик, находившаяся в левом отсеке и возившаяся с детьми космолетчиков, тоже прослезилась:

— Бадийка, милая, и мне хочется «их» увидеть, пока жива, пройтись по их полям, вдохнуть запах трав и цветов, если они есть у них... Сейчас вот моя смена за детьми присматривать. Твои уже ушли наверх учиться, а мой все еще барахтается, смотри!

Зуммер коротковолновика прервал разговор и Бади уставилась на экран: на дальности 980 миллионов километров волновик захлебнулся от обилия принимаемых сигналов: миллиона! хаоса! сигналов!!!

— Командир: НОЛЬ! НОЛЬ! — закричала Бади, срывая видеоочки. — ОНИ!!!

Экстренное торможение работающими и запасными двигателями крутануло Станцию по оси: возможно, из пятнадцати членов экипажа Станции и детей кто-то в этот момент и пострадал. Но экстренная остановка по Закону Центра должна была производиться на расстоянии не менее чем за 1 миллиард километров,

чтобы не нарушить покой и спокойствие другого, неизвестного Разума.

Пока космолетчики отводили Станцию на требуемое Законом расстояние, на помощь им пришёл отдыхающий экипаж: приводили в чувство Бади, стукнувшуюся об экран дисплея, решали с Командиром предстоящие задачи.

Когда Бади пришла в себя, Станция остановилась.

Бади показала на дисплей:

— Смотрите — СИГНАЛЫ!

Больше первооткрывателей радовался отдыхающий экипаж: они обнимали героев дня, целовали, даже успели Эппа подбросить несколько раз на руках. А дежурная четверка словно не замечала их присутствия и лихорадочно начала работать.

Наконец Бади радостно воскликнула, приплясывая на месте: — ОНИ-ОНИ-ОНИ-ОНИ: музыка и пес-ня!

Изображение сигналов переходило из рук в руки и только полностью убедившись, четверка стала плясать:

— О-О-О! Э-Э-Э!

Отдыхавший экипаж вовсю пустился в пляс и не на очень просторном отсеке Пульта вскоре закружились уже две четверки.

— Уф! Хорошо-то как! — устало села Бади в свое кресло и от избытка радости целуя дисплей, вдруг увидела, что ручка управления волновиком была повернута под углом по отношению к курсу полета Станции.

— Стойте! — Бади взяла мужа за руки. — Эпп и Эрбэч, смотрите, ручки-то под другим углом!

— Действительно, громадный угол, — подытожил запыхавшийся Эпп, вытирая струйки пота со лба. — Выходит, мы бы проскочили мимо сигналов, если бы не случайность?!

Сосредоточенный, вмиг обретший серьезность, Командир сел на место пилота:

— Сейчас я буду делать маневр, а ты, Эпп, следи, чтобы я не вышел за линию маршрутной сетки... Хорошо... А теперь, давай-ка, зафиксируй положение... Хорошо! Ну, а сейчас я сделаю разворот... так-так... СТОП-НОЛЬ!

На экране появились незнакомые мириады звезд, мерцающие россыпью благородных алмазов. Космолетчики ощутили полузабытое чувство теплоты, разлившейся по всему телу.

«Мое предчувствие!» — Командир взялся за оленье мясо.

Зафиксировать все, что видите! — скомандовал он секундой позже, вставая с пилотского места. — Эпп, стрельни-ка вперед нью-лучами, а я попытаюсь поймать отражение.

Эпп, недолго целившись — ведь сигналы шли из одной точки Созвездия — выстрелил.

Прошли долгих десять минут и отраженные нью-лучи, сфотографировав цель, вернулись и показали на дисплее Командира голубую точку!

— Голубенькая... — прошептала Бади в ухо мужа. — Малюсенькая...

— Красивая точка! — радостно воскликнул Эпп, всматриваясь в свой дисплей: он тоже успел поймать отражение.

Только отдыхающий экипаж не выказал никаких эмоций, молча исчезнув в люках.

Возможно, это отрезвило дежурную команду. Да и Командир не стал сильно предаваться восторгам:

— Планета «КЭЛ» тоже нас восхищала, но там был розовый кислотный пар. Хотя... — Он сосредоточенно стал водить ручкой с золотым пером по снимку планетки и обратился к Навигатору.

— Эпп, срочно данные планетки... Ведь таких планеток: больших и маленьких, голубеньких и розовеньких, и самых немислимых оттенков, которые имеют свои солнца и солнышки — много мы встречали. Я понимаю, что в течение последних лет мы не встречали такой красоты, но реальность — это, пока что, только мы! Поиски друзей по Разуму... Но где они? Почему и они нас не ищут?... Может быть, наши пути расходятся в Пространстве?... Возможно, что мы наиболее развитые, значит, наше святое Правило — какими бы их мы не встречали — это беречь их, как зеницу ока своего!... То, что на Голубой планетке живут кто-то Разумные, заставляет нас втрое быть осторожными в контакте с ними. «Разум имеет несколько категорий» — так говорил Учитель. И мы не должны об этом забывать!

Заметив поднятую руку Навигатора, Командир остановился.

— Данные ЗЕТ-излучений, ИУОК-света и МОНК-импульса составили такой портрет планетки, — начал комментировать информацию Эпп. — Ширина — 130 километров 74 сантиметра, имеет две полярные шапки, со слабеющими озоновыми слоями. Питательный слой — кислород... опаснейшее соединение. Имеет несколько братьев, скажем так, планет и одно солнце, которое находится от него на удалении 145,000 километров. Имеет также несколько действующих (тут Эпп почесал нос, поглядывая на Бади), э-э, вулканов. ИУОК-свет определил большое наличие воды, тоже небезобидный конденсат для нас... Пока вот так! Остальное можно будет узнать с близкого расстояния или... побывав на самой планетке, хотя это вероятно: по химич...

— Значит, нам надо готовиться? — прервав Навигатора,

спросил у Командира Эрбэч, ища взглядом поддержки у других и увидев их одобрительные кивки, ободрился. — Летим?!

Командир проглотил уже который кусочек мяса, запив конденсатом азота.

Не отвечая на вопрос Эрбэча, он встал и нажал кнопку на стенной панели:

— Подойди сюда!

Перегородка раздвинулась и появился синеватый экран.

Когда космолетчики подошли, Командир стал показывать на проплывающие перед их взорами портреты, которые всегда демонстрировали перед отправкой разведгрупп Станции.

Это окончательно уверило космолетчиков: значит — летят!

— Это — Уоде, это — Нохос, это — Айин, — вполголоса перечислял Командир имена. — Остальных вы тоже знаете: все они погибли или пропали без вести во время таких же разведок, что и намечаемая нами на Голубую Планетку — так ее назовём. Неизвестность и загадочность нового всегда порождают любопытство, увы, не всегда заканчивающееся его мирным удовлетворением. Думаю, что рисковать нам всем нет необходимости. Являясь представителем второго поколения космолетчиков нашей Станции, я бы очень хотел видеть своих внуков, так же, как Эпп и Эрбэч... Хотя бы увидеть их и знать, что вот бегают мои внуки...

Экран погас и космолетчики расселись по своим местам. Эрбэч, еще раз внимательно изучив снимок Голубой Планетки, решительно оттолкнувшись от кресла, улетел в свой люк — готовить сверхскоростной корабль-малютку.

Эпп, изменив положение кресла, полулежа подремывал; встреча с кометой и обнаружение Голубой Планетки не прошли даром.

— А у нас теперь — осень, — тихо и мечтательно сказала Бади, прикрыв веки, — морошка поспела, грибы... Ке¹, — обратилась она к мужу, — ты посмотри-ка, что выделывает наш сын, младшенький?

Командир взял семейные видеоочки. Было видно по его улыбке — младший сын не из тихих.

Плавно «приземлившись» на свое кресло Эрбэч сообщил, что служба готова, сам проверил. И запел, разбудив Эппа:

К вам, друзья, мы летим,

И ракеты, как сердца,

Пусть стремятся только,

Только к добру, добру-у!

Услышав ритуальную песню, сочиненную чуть ли не сразу после старта Станции, перед вылетом на обследование новых миров, все подошли к Командиру.

¹ ке — друг

— Что ж, 54 часа на отдых, а потом — в путь! — приказал Командир, окинув товарищей взглядом. — Как всегда, Главный Навигатор остается за старшего на Станции. Э-э... остается ещё Бади: не будем рисковать все. Конечно, я верю в успех разведки, но не будем подражать другим: я не желаю новых жертв... Думаю, что разведка будет чисто практической, без лишних эмоций и задержек. Эрбэч, ты до моего возвращения должен прозондировать ближайшее окружение Голубушки... Эпп, было бы хорошо, если бы ты дал мне на время свой маршрутный лучевод. А теперь — отдыхать. Провожать тоже не легко бывает!

Слова Командира расстроили группу: твердость и категоричность тона возымели действие, оспаривать его приказ было бесполезно. Поэтому Бади и Эпп молча собрались улететь в свои отсеки. Эрбэч в задумчивости пожевывал кончик ниспадающих на лицо волос.

— У тебя возникло сомнение? — спросил у него Командир, вызвав отдыхающую группу.

— Да, Командир, — ответил Эрбэч, вперив все три своих глаза на старшего. — Я, думаю, не нарушу инструкцию, если попрошу Вас взять меня с собой: один Вы не управитесь, хотя это и ракета-малютка. Потом, в любом случае и остальные ничего не теряют: мою работу может и Эпп выполнить. К тому же, я еще не женился и переживать за меня особо никто не будет.

— Эрбэч прав, — сказал Эпп, улыбнувшись. — Если бы не было инструкции об обязательном присутствии при таких разведках командира группы, я бы первым попросился на полет. Но если Эрбэч решился, наверное, надо брать его с собой, Командир!

Эрбэч благодарно посмотрел на друга.

— Ке, бери его, тогда и мне не придется сильно за тебя переживать, — ласково прошептала Бади, нежно погладив затылок мужа перепончатыми пальцами с мягкой кобзицей.

— Мне очень хочется слетать к этой Голубой Планетке, Командир, — Эрбэч умоляюще ловил взгляд Командира. — Я Вам не помешаю, я ведь умею все, что нужно делать при разведке. Потом... у меня такое предчувствие, что я там что-то открою, особенное.

Молчание Командира крайне взволновало Эрбэча: он заморгал крайним левым глазом:

— Мы довели себя, свои чувства до такого автоматизма, — начал он скороговоркой, словно боясь, что его прервут, — что иногда забываем радоваться, переживать и, наконец, любить. Чуть что сразу хватаемся за проклятый баллончик. Живя всё время по инструкции, не лучше выглядим, чем этот робот... А, может, даже

хуже, потому что мы — живые, — Эрбэч подскочил к серебристому роботу, встряхнул его. — Да-а, такие, вот... Мы ведь по инструкции и родителей покойных спровадили в мрак космоса. По инструкции женимся, по инструкции вы любите своих детей через видеоочки... А как мы хотим встретиться с братьями по Разуму? Набирая пробы? Я понимаю, что они на нас не будут похожи, мы не знаем, как они выглядят... Но если вдруг они выше нас духовно и мыслят категориями Прекрасного — не по инструкции?..

— Я с Эрбэчем согласна, — поддержала пилота Бади, поглаживая шею мужа. — Он прав, мы ведь давно стали своего рода роботами, забывшими прошлое. Я до сих пор не знаю, кто мои родители. Только по рассказам старого космолетчика, который умер недавно, по его календарнику знаю, что у нас сейчас осень, что падает снег... Хотя мы и самые высшие существа в своей Галактике, я с ребенком своим только шесть дней и возжусь, называясь «тётёй», а дальше — иллюзия видео... Отгородились от детей пультами и лабораториями.

Отстранив руки жены, Командир медленно поднялся:

— Увы, не я инструкции напридумывал! Дети не должны знать, глядя на нас, кто из взрослых приходится им отцом и матерью. Они не должны знать, что есть такое понятие «родители» — для них мы все родные... В нашем ограниченном пространстве Станции жалость превратится в обузу. Они, как и мы в свое время, должны только учиться летать, исследовать, находить, терять... Пусть после того, как мы обнаружим друзей по Разуму, прилетают к нам настоящие специалисты по любви и прочему Прекрасному. Неужели вы хотите, чтобы опять из-за любви к ближнему кто-то блуждал, пропадал, терял драгоценное время на поиски друзей?! Вы думаете, что для красоты вмонтирован этот экран в стену? — спросил он и сам же, не дожидаясь ответа, почти выкрикнул:

— Нет!

Он нажал на панели кнопку и опять раздвинулась стена.

— Смотрите! — Командир показал длинным средним пальцем левой руки на экран. — Это — Умуэ, о котором при случае как об образчике непослушания, любит напоминать Учитель!

Отчитываемые молча слушали Командира: конечно, про Умуэ они были слышаны, про него ходили даже анекдоты.

Умуэ, космолетчик из первой десятки, на третий длительный полет взял с собой жену и двух помощниц. Обшарив за 100 лет Пространство вокруг Галактики Центра, собрав богатейший материал, заимев от женщин десять детей и несколько внуков, погиб. Вернее, погибли все. А все из-за того, что любящие сыновья и внуки,

дочки и внуки (подумать только!), не поделив между собой любимого отца и дедушку, может и наследство от него, начав с невинной шутки, положили конец существованию Станции длинным разрезом из чаунду!

— Не только из-за любви дедушки, — внес поправку Эпп, — не только из-за наследства, сколько из-за материала.

— Вот видите, вы даже лучше знаете, чем я, — закончил свою лекцию Командир и добавил для пущей убедительности: — из-за него пришлось потратить лишних 200 лет! Не говоря о жертвах.

— Все понятно, Командир! — рассмеялся Эрбэч. — Эпп тоже прав, и Бади права: вдвоём нам будет легче.

Выключив экран, Командир молча выслушал пилота.

— Ох, жалко мне молодого! — прервал он молчание. — Но и не могу пойти против мнения большинства... Что ж, нам нужно отдохнуть, и вам, кстати, тоже.

Перед выходом к ракете-малютке Командир подключил Станцию к системе дистанционного управления со своей ракеты-малютки. На случай непредвиденных ситуаций.

Малютка снижалась осторожно: экспресс-анализаторы контролировали состав атмосферы и подтвердили дальний анализ со Станции — здесь господствовал кислород.

— Да, опасное соединение: враг металла и наш, — шептал Эрбэч, всматриваясь в трехкулярный лазеро-телеметрический перископ. — Командир, анализаторы сообщают о наличии большого наэлектризованного свечения.

— Должно быть, если есть на планете разумные существа, они любят этим сиянием электричества, — ответил Командир, похлопав Эрбэча по коленям. — Мы тоже его увидим, когда спустимся. Перед нами предстанет красивое зрелище, достойное Хойла всесильного!

На 0,005 километровой высоте перед космолетчиками открылась переливающаяся всеми цветами радуги поверхность Голубой Планетки.

— Командир! — воскликнул Эрбэч, не скрывая своей радости. — Вижу ледяной пояс, который резко граничит с зеленым широким поясом!

— Вижу: хочется верить, что это зелень, а не позеленевший от окислов металл, — ответил Командир и, прикоснувшись плечом к Эрбэчу, сказал:

— Следи за экраном, а перископ оставь в покое: сейчас бу-

1 чаунду — лучевое оружие

дем приколываться²... Так... перевожу ракету на положение «посадка»... будь внимателен...

Вдруг ракета скользнула в сторону.

— Очень хорошее магнитное поле! — крикнул Командир. — Включаю систему размагничивания!

Ракета приняла вертикальное положение.

Эрбэч, любопытствующий, опять прикинул глазами к окуляру перископа и стал всматриваться в далекую даль горизонта.

— Судя по светлой полоске — там, вдали, день, а здесь — ночь, — вслух размышлял он. — Жаль, что отключились от приема сигналов.

К сожалению, при таких разведках Инструкцией запрещалось принимать и посылать какие-либо сигналы для внешнего контакта. Ракета закупоривалась, чтобы не быть обнаруженным Разумом, который, к сожалению, бывает порою и не добрым.

На высоте несколько сотен сантиметров Эрбэч вдруг отпрянул от окуляров и не свойственным ему тонким, радостным голосом закричал:

— Обнаружил быстродвижущиеся предметы!

Потом, вычислив расстояние, добавил:

— Ух ты-ы, скорость у них — 0,50 километров в минуту, а дальность от нас — 10 километров!

— Предме-ет! — усмехнулся Командир. — Все — посадка!

Приземлилась ракета мягко: анализаторы уже дали характеристику грунта — мягкий, не очень жирный перегной с мощным ледяным слоем. Грунт имеет разнообразную растительность, которая поглощает углекислый газ и выделяет кислород.

— Ну что ж, информация для нас не очень утешительная. Имею в виду — кислород, — хмыкнул Командир и вытянув из приборного гнезда, установил свой трехокулярный перископ.

Осматривая ландшафт, он продолжал разговаривать с Эрбэчем:

— Разгерметизации не обнаружено — сигнал «Баар» молчит. Но, на всякий случай, наденем-ка защитные азотные маски... Да, Эрбэч, я тоже вижу твои «предметы», может быть, это метеориты?

— При плотности кислородного слоя, что закрывает планетку, ну и при порядочной силе магнитного поля, — отвечал Эрбэч, вглядываясь в окуляры, — метеорит должен сгореть в атмосфере или взорваться при попадании на поверхность планетки.

— Рад, что ответы даешь сразу и ответы обстоятельные! — похвалил пилота Командир. — Но, Эрбэч есть еще следующее несоответствие: во-первых, при такой скорости, почему они не вылетают

² приколываться — остановиться

но касательной в Пространство; во-вторых, почему они летят, придерживаясь кривизны горизонта? Они, что, карликовые спутники планетки? Или они управляемы Разумом — например, ракеты?

Эрбэч оторвался от окуляров, чтобы посмотреть на фиксаторе расстояние и удивленно ахнул:

— Командир, скорость! Они имеют свойство ускоряться!

— Значит, ракеты? — спросил Командир, плотнее прильнув глазами к окулярам. Всмотревшись, шепнул:

— Эрбэч, рисковать не будем, судя по тому, насколько быстро они нас обнаружили, у этих существ имеется совершенная техника обнаружения. Безусловно. А вот с каким намерением девять... — Командир, сосчитав про себя количество ракет, уточнил, — одиннадцать ракет нам послали навстречу — мы не знаем... Включи-ка, Эрбэч, гравитационную защиту: береженого Хойл бережет!

Не успел Эрбэч дотронуться до кнопки включения защиты, как средство раннего оповещения, включенное Эрбэчем, выдало сигнал «сильный шум сзади». Фиксатор расстояния определил — обнаружен на расстоянии 5 километров

Командир, развернув первскоп, обнаружил точки, стремительно несущиеся к ранее обнаруженным.

— Я слежу за вторыми, а ты — за первыми!

Эрбэч, подобно всем молодым космолетчикам, включив защиту, уже беззаботно улыбался:

— Командир, сегодня самый счастливый день в моей жизни! Ох, не зря я рвался с вами к Голубушке. Мы нашли Разум! Да еще какой — технически развитый!... Меня просто распирает от желания что-то спеть по этому поводу!

Командир погрозил пальцем:

— Эмоции потом! Сейчас же все внимание — на ракеты, которые с двух сторон направляются к нам. Видать, что-то не так сделали... одень маску и пристегнись!

— Представляю, Командир, как все ракеты медленно усядутся вокруг нас! — через микрофон проговорил Эрбэч, пристегиваясь — И выйдут ОНИ... Знаете, очень хочу верить, что они будут похожи на нас. — Эрбэч откинулся в кресле, потом, вспомнив приказ, прильнул к окулярам:

— Летя-ят!

Когда ракеты оказались в радиусе видения экрана телевизионного слежения, Командир направил на первую летящую цель ЯУ-ОК — свет: ракета, чудо совершенного Разума, со всеми потрохами предстала перед космолетчиками.

— О, они, оказывается, не к нам летели?! — Удивленно воскликнул Эрбэч, изучая внутренности ракеты и чувствуя, как холод-

ные мурашки побежали по спине.

С трудом повернувшись к Командиру, он увидел бледное лицо с застывшим взглядом.

— Они... не к нам... — произнес Командир, с трудом разлепляя губы. — Вою-ют... или мы оказались виноваты...

Эрбэч бросил взгляд на сетку информации:

— Спектральный анализ показывает, что груз у них имеет характеристику термоядерного распада!

— Вот так... Голубенькая...

— Может быть, мы сумеем им помочь? До встречи ракет осталось две минуты, Командир.

В том, что это летят друг к другу ракеты протовостоящих сил, подтвердил спектральный анализ второй группы ракет.

— Попробуем спасти... хотя, после нас некому будет их спасти, если они запустят следующие группы ракет, — Командир тяжело вздохнул. — Спасать... Для этого нам придется снять защиту, Эрбэч.

— Тогда погибнем и мы! — Эрбэч схватил Командира за рукав.

— Ты можешь катапультироваться и спастись!

Командир сбросил руку пилота, взялся за диск дистанционной связи со Станцией. — Прости, Эрбэч, иного выхода у нас нет. Как глупо я поступил, согласившись с вами... Ты можешь спастись, дождавшись когда-нибудь наших!

— Нет, Командир, я понял, я — лечу!.. Осталась минута!

— В таком случае — приготовимся: я постараюсь на скорости очутиться между ракетами. Создав сильное ультразвуковое излучение мы разрушим керамические обшивки и увлечем ракеты за собой. А чтобы они не блуждали в Пространстве как потенциальные убийцы, отправим их, то есть полетим с ними на планету с астероидным кольцом.... Красива Голубая Планетка, да начинка смертоносна! Пора!

Командир нажал на еще одну кнопку на диске дистанционного управления Станцией. Последняя должна отлететь на 2 миллиарда километров от Голубой Планетки и там ждать их... А потом, по истечении года, улететь в Центр. Так велела Инструкция.

— До встречи осталось мгновение! — Эрбэч отключил систему лучевой защиты и схватился за подлокотники...

Вертолет, снизившись, сел у самого края кратера, быстро наполняющегося водой — таял древний лед под летним полярным солнцем.

Поодаль стояли палатки, яранги и чумы, где на время исследования поселились со всеми приборами ученые.

Специалисты были представителями разных Делений «Голубой Планетки» — планеты ЗЕО. Они, хотя и старательно занимались делом, разговаривали и смеялись, всё с большим вниманием присматривались друг к другу, ведь каждый думал о соседе как о представителе незнакомой, чужой планеты. И сейчас они не в меру удивлялись тому, как много, оказывается, у них есть схожего.

Из транзистора неслось сообщение: «... крупный астероид. Компьютеры раннего оповещения, принявшие его за ракетный удар другого Деления-государства, подняли по тревоге межконтинентальные баллистические ракеты. Граждане нашей планеты ЗЕО! По счастливому стечению обстоятельств мы сумели избежать ядерного катаклизма.

Причины, побудившие ракеты выйти из зоны планетного тяготения в космическое пространство и уничтожение их в астероидных кольцах планеты «Астеро», исследуются учеными всех Делений...»

Через день кратер, место старта ракеты-малютки, был заполнен чистой и холодной водой.

Голубая чаша, как пеленг, всматривалась в далекую даль безбрежного Пространства.

КУРОПАТКА С ПУРПУРНЫМИ ГЛАЗАМИ.

Зимой 198... года я работал старшим охотоведом в маленьком северном совхозе...

Я еду по тундре, подзадоривая упряжку криками или постукиванием приколью¹ по дужке нарты. Настроение в весенний, но все еще холодный по-зимнему, солнечный день — самое приподнятое, да почему бы и нет: я уже возвращаюсь!

В нарте у меня два полных мешка пушнины. Шкурки одна к одной — белые, как снег, пушистые, как пушинки. Хорошо поработали охотники! А впереди — участок ФЕТЬКИ, бывшего моего одноклассника, промышляющего в этих местах уже второй год и становящегося, между прочим, опытным следопытом.

Если дорога долго тянется строго на северо-запад, можно почувствовать слабую теплынь от солнца, и я, садясь спиной к собачкам, подставив лицо светилу, или мечтаю, или читаю газету. Видя, что хозяин сидит к ней спиной, упряжка моя сразу сбавляет ход.

У подножия одной сопки я увидел когда-то воткнутую мной палку с красной материей! О-о! До Фетьки остался час езды! Всего **ОДИН ЧАС!**

С отцом мы обычно тут останавливались и пили из термоса чай. Это для того, чтобы доехать не дрожащими от холода, а разогретыми, в настроении. «Надо, — говаривал отец, — на глазах у тундровиков появляться не жалким и трясущимся от мороза, а веселым и здоровым. Этим ты поднимешь не только свой авторитет, но и дух живущих в тундре многие месяцы в одиночестве».

Но сейчас я решил пренебречь этим нашим правилом. Не очень холодно, да и к Фетьке можно было приезжать хоть вообще трясущимся от холода или с похмелья — все равно встретит своего «одноклассника» как подобает.

До вечера — еще целых пять часов, можно и не спешить очень. Взял газету из почты, что везу Фетьке, и читаю.

Чего только не бывает на свете этом! Апартеид и женитьба негра на белой женщине в Америке... Впрочем, остальные белые их жутко так попросили жить в другом месте... Спасение редких животных и нефтяные разливы в Европе... Даже в глубину Галактики заглянули самым большим телескопом... Ба! Старуха НЛО появилась на глазах у изумленных жителей нашей страны! Конечно, опять она по форме — обыденная тарелка.

Беру другую газету и там про все на свете, даже есть повторения с первой газеты или наоборот. Тут тоже есть про НЛО, но он уже не тарелковидный, а конусообразный. Это любопытно...

¹ приколь — палка с металлическим наконечником для торможения.

Так-так, испускал сильный луч, похожий на прожекторный, а потом исчез на глазах! Очевидцев взрослых оказалось трое да еще несколько детей!

Интересно становится жить: кто-то тебя видит, а ты его — ни одним глазом! Я засунул сверток с газетой в мешок, повернулся к собачкам, и они сразу же начали старательно тянуть свою ляжку. Но я на них даже не смотрел, все мечтал о том, как бы увидеть эти тарелки да кастрюли! Тут упряжка сорвалась на бег, и я еле удержался на месте — оказывается, вылетела стая куропаток!

Еще несколько минут упряжка бежала, не замечая тяжести нарты, хотя куропатки давно остались позади. Наконец, виновато озираясь на меня, высунув алые язычки, собаки сбавили бег, и я решил, что им надо дать отдохнуть, да и Фетькина избушка зачернела вдали.

— Ну что, отдохнем? — обратился я к упряжке.

Умный вожак Товарищ застыл как вкопанный, и движение остановилось. Обрадованные отдыхом, собаки стали жадно хватать снег. Я походил, поразмялся и стал приводить в порядок алыки².

Фетькина избушка, гаражик, кладовка уже на таком расстоянии, что я должен услышать лай его собаки Друга. Упряжки у Фетьки не было. Ему, как хорошему охотнику, в порядке поощрения (в этом была и моя помощь), выделили пока еще редкий в наших краях снегоход «Буран». Любящий технику, лелеющий каждый винтик, подбирающий каждую пружинку — «авось пригодится». Фетька прошлой весной отдал упряжку родственнику, оставив у себя только жоака.

Вскоре я даже видел дверную ручку избушки, но веселого Друга все не было. Не показывался и сам Фетька. «Наверное поехал капканы проверять,» — подумал я, останавливая упряжку.

В надежде увидеть узорчатый след «Бурана», я огляделся и полный недоумения, уставился туда, где обычно мой друг колол дрова: сплошной гладкий наст. А дверь избушки, надежно охраняемая черным замочком, до половины заметена снегом...

«Вот это да! — подумал я, прикидывая в уме, куда он мог так надолго запропасться. Не мог же он оставить капканы на произвол судьбы?!.. Вроде бы все пять дней, что я был в тундре, не было сильной пурги. А, может быть, у Фетьки, как он иногда шутит, кроме необычного солнца летом, необычных комаров, необычного крупного дождя и снега, есть еще и необычно налетающий ветер: «У вас, я вижу в бинокль, тихо, а у меня — пурга...»

Перебрал различные варианты отсутствия Фетьки, но делать

² Алыки — собачьи постройки.

нечего, решил попить чайку и ждать.

Снял замочек (он по северной традиции просто висел), отпинал снег и вошел в Фетькин хоромчик.

Полумрак, полное запустение и холод, усиливающийся еще от снежной горки в середине избушки.

«Чего это он потолок-то не отремонтировал?» — подумал я, подходя к куче снега и протянул было к ней руку, как тут же, еле волоча отяжелевшие ноги, стал пятиться к двери: мне вдруг показалось, что это вовсе не снег, а мех... Бел... белый м-м-мед... ведь!

Я уперся спиной в дверь и чуть ее приоткрыл. Медведь как лежал, так и лежал, только изредка будто вздрагивал. «Видно, слишком пристально на него смотрю, похоже на обман зрения», — подумал я. И все же, не вытерпев, выскочил наружу.

Увидев меня, собаки обрадовались: подумали, что хозяин вышел их покормить. Спокойствие собак передалось и мне: «Наверное, Фетька добыл белого медведя, разорвавшего капканы, а шкуру оставил!».

Я вошел в избушку... Да, это была шкура, но не песцовая или медвежья, а... рыси, неведомо как очутившейся в тундре!

Нервы не выдержали и я стал громко петь!

Через открытую дверь увидел, как удивленные мои собачки чинно расселись, подобно истинным ценителям сольных песен, и стали слушать меня, благосклонно наклоняя головки направо и налево.

Выдохнув последний куплет «Катюши», я устало сел на нары-кроватку. «Что-ж, Фетька добыл столько, сколько нужно и, видно, действительно поехал куда-то. А-а, наверняка к оленеводам подался!» На его месте и я бы так поступил.

Окидывая взглядом избушку, на Фетькиной подушке увидел что-то белое, похожее на лист бумаги. «Вот это и есть ключ к разгадке!» — обрадовался я.

Но это был не листок, а целый блокнот (такие у нас не продавались). Он был весь испещрен крупным почерком Фетьки.

«Мой дорогой, незабвенный дружище-товарищ по школе и по промысловому делу Митяй. (Читаю, как есть. Митяй — это я). Шкурки как ты видишь готовы, надеюсь что я постарался как всегда и они тебе Митяй понравились и пойдут они по I сорту как всегда. То что они лежали на столе это тебя пусть не пугает мышки-норушки их не тронут даже если они будут лежать десять годов».

Тут я прервал чтение, чтобы мысленно расставить запятые и таким образом разобраться в прочитанном. Последнее меня даже

рассмешило — ха-ха, с чего это всеядные наши мыши стали бы обходить за здорово живешь его, ЕГО шкурки!... Но становилось интересно и я продолжил чтение:

«У тебя наверное сразу возник вопрос как это Фетькины шкурки не тронут мыши да? Об этом напишу попозже по ходу моего письма потому что хочу рассказать тебе все по порядку очереди».

Тут я тоже хотел прервать чтение, чтобы пролистать блокнот и найти сразу ответ на этот его ребус, но подумав, что впереди времени много, решил не торопить события и добросовестно дочитать письмо.

«...по порядку очереди. Сейчас я буду пока ты читаешь мою писанину очень и очень далеко, на каких-то невидимых отсюда звездах».

Тут, наконец, меня охватил настоящий страх: Фетька решил уйти из этой жизни!.. Значит, он уже...

Я вскочил, стал бегать по избушке, заглядывая под нары, во все темные углы, за маленькую кирпичную печку. Его тут не было...

Я обежал домик снаружи, проваливаясь в снег, заглянул в гараж, где обнаружил два «Бурана», спустился даже в ледник-погреб

То, что в гараже стояли «Бураны», меня еще больше заволновало: он что, пешком ушел умирать?.. Ведь если у нас человек говорит, что он собирается к звездам, значит, он умирает!... Эх!...

Повертев в руках блокнот, решил в избушку не заходить: чем-то траурным стало веять от нее, и даже воздух там был холоднее и злее, чем на улице.

Сел на нарту и продолжил чтение. Мысль о звездах настолько рассеяла мое внимание, что не заметил, как начал читать сначала... А-а, вот и нашел: «Дорогой незабвенный друг мой Митяй! Помнишь, каким я был посредственным учеником за все годы школы с каким великим усилием иногда просто вытягивая на самом деле за уши меня переводили из класса в класс хоть все знали что учение для меня, это тьма. Зато я много любил работать, когда все умники отлынивали, но оценки четыре и пять были для них ас-цвайсом (наверное, Фетька хотел написать — аусвайс — документ по-немецки) в жизни. А сколько горестных переживаний из-за моего неумного (так было написано) упрямства молчать родители выслушивали обидные словечки в свой адрес от учителей и директора? Помнишь нашу мегеру Кучакову, пампушку с длинными ногтями, которыми, как клещами впивалась в нас? Но теперь когда я пишу эти строки я прощаю все их кулачки и кулачищи пинки под зад, линейки с ударной бронебойной силой, мелки, ко-

торые летят со скоростью пули и слова из крашенных губ услышав которые упал бы самый отпетый блатнюга. Прощаю, потому что я улетаю в самом прямом смысле этого слова! И улетаю далеко-далеко, Митяй дружище прошу очень прочитаешь мое письмо не старайся рассказывать так как тебе никто не поверит и не будет верить даже моя сестренка. Наверно, понаедут искать меня и даже менты заявятся хотя как раз им плевать что я потерялся или исчез а галочка-то нужна. Просто сообщи что Фетька пропал-исчез и все но ты верь что не умер а улетел твой друг Фетька Да в гараже есть два «Бурана», почему их стало два потом допишу. Значит так один «Буран» бери себе а другой отдай моему братану. Потому что если даже вернусь как мне тут обещают все равно сто лет пройдет на Земле...»

Я снова решил остановиться, так как почувствовал, что из-за отсутствия знаков препинания совсем запутался. Но последние «сто лет пройдет на Земле» даже успокоили меня: значит, Фетька заболел психически или еще чем-то, разыгралась фантазия, и он, исписав блокнот, ушел умирать в тундру. Что ж, остается собрать шкурки и вернуться в поселок с очень плохой новостью...

Бросил блокнот на снег и начал выносить пушнину. Да-а, Фетька работал от души, недаром все шкурки связаны между собой. На такое может решиться только тот, кто знает, что все сделал добротнo — ведь кусочек жира, оставшийся хоть на одной шкурке, может испортить всю связку!

Накормив собак, забрал блокнот и вошел в избушку. Затопил печку. Фетька, как истинный сын тундры, все приготовил для будущего гостя: и лучины, и сухие дрова. На печке стояла залитая водой кастрюля с кусками мяса. (Вода, разумеется, давно превратилась в лед: в таком виде мясо не засыхает, да и для мышей недосыгаемо). Вскоре вскипел чайник, затем сварилось и мясо. Я стал чаевничать. Блокнот лежал тут же на столе. Мне почему-то показалось, что он уменьшился в размере.

Хорошенько подкрепившись, я зажгeг свечи и взялся за продолжение письма улетеvшего к далеким звездам друга.

«...пройдет на Земле. Удивительно что я там увижу! Наверное люди будут голубые как эти. Планета у них старая и будто через несколько тысяч лет полетит в тартарары! Митяй а наша планета будто бы очень молодая а мы самые что ни на есть неразумные! Друг мой я сейчас тебе напишу все что было со мною ты прочти и запоминай может когда нибудь тебе пригодится, ил кому-нибудь расскажешь из фантазеров, ладно? МИТЯЙ Я ЗА БЫЛ ДУРАК ЗАРАНЕЕ СООБЩИТЬ ЧТО БЛОКНОТ ПОСЛ. ТОГО КАК ТЫ ВОЗЬМЕШЬ В РУКИ ЧЕРЕЗ ЧАС ИЗЧЕЗНЕТ

Спешу друг дурака поэтому знаки препинания я не ставил.

МИТЯЙ ДРУГ ВОТ ЧТО БЫЛО!

В один из весенних дней я решил почему не знаю но ни с того ни с чего появилось большое желание что хорошо было бы сегодня обновить ассортимент еды куропаточьим мясом. Сам знаешь что в эти месяцы куропатки уже выходят в тундру но не так много чтобы их видеть стаями. Я взял лыжи, позвал Друга и решил осмотреть ближайший ручеек который сейчас занесен снегом. Но кустарник все-таки есть.

Не успел я сделать несколько шагов как Друг залаял неистово так зло! Я подумал что может он учуял зверя какого и схватился за ружье и посмотрел вперед и там было белым бело ни одной черной точки. Тут раздался второй лай Друга и мне пришлось повернуться туда куда была обращена его морда, в сторону «избушки».

Я думаю, дорогой читатель, что вы испытываете сейчас такие же трудности с посланием Фетьки, как и я, когда начал читать. Поэтому, чтобы обеспечить вам ознакомление с письмом друга, я в дальнейшем сам уже ставлю знаки препинания. Итак: «Я увидел, как распахивается сама собой дверь гаражика. Преданный Друг ощерился и осторожно двинулся назад. Держа наперевес мелкошку, за ним последовал и я, готовый в любое мгновение применить оружие.

Вот мы подошли к гаражику... Друг, ставший уже спокойным, заскочил вовнутрь и вскоре вышел, деловито обнюхивая что-то у порога.

Заинтересовался и я. Не выпуская из рук ружья, я сел на корточки и увидел еле различимый след на заезженном гусеницами снегу. Я пошел по следу до чистого снега, но и тут, к своему удивлению, обнаружил, что след еле заметен! Куропаточий след и — еле видимый!... Я потрогал чистый снег: он был пушист...

Лай Друга, на этот раз радостный, вернул меня из раздумий, и я увидел двух куропаток: одна сидела метрах в тридцати-сорока, а вторая уже была далеко.

— Вот удача-то! — обрадовался я и, поставив планку прицела на 50 метров, выстрелил. Увы! Пуля подняла фонтанчик снега под куропаткой. Птица, будто удивленная, посмотрела вниз и даже клюнула в место, куда попала моя пуля.

— Ну-у, любопытная, на этот раз вряд ли промахнусь! — сказал я про себя и передернул затвор (ружье у меня семизарядное, ты, Митяй, знаешь). Но куропатка, словно угадав мои мысли, решила не испытывать судьбу — улетела.

Собравшись преследовать птицу (читателям: куропатка долго не летает, часто садится), я, однако, очень удивился: сделав крутой вираж вправо, она пролетела над избушкой, потом надо мной... Потом еще один круг!

Честно говоря, Митяй, я был поражен: сама по себе открывающаяся дверь, таинственные, еле различимые следы на снегу, следы куропатки!

Забегал я в дом, оставил там мелкашку, и зарядив дробовик, стал ждать, когда куропатка появится. И когда она пронеслась над избушкой, выстрелил дуплетом! Можешь мне поверить, что двойной заряд не пропал даром.

Вскоре у меня на печке булькал, заправленный луком и чесноком, перцем и лавровым листом, вкусный, свежий и первый за сезон птичий бульон...

На следующий день я проверил капканы — десять пушистых песцов. Не удача ли!

Объездив с утра на железном олене — так я называю «Буряна» — свой обширный участок, возвратился домой, когда начало уже смеркаться.

Дверь гаражика опять была распахнута! И, конечно-же, очутившийся впереди Друг опять заливался неистовым лаем: вдалеке сидела куропатка...

Уходя утром осматривать капканы, я впервые за многие годы закрыл дверь на замок. Теперь же он нелепо болтался на гвозде... Я заглянул в гаражик — никого.

Сбегал к избушке — и там никого.

Ключ, оставляемый на случай неожиданного прихода гостя тут же на двери, висел нетронутый...

Друг все лаял, готовый броситься к птице, и поглядывал на меня, явно вопрошая: «Ну когда ты, наконец, выстрелишь?». А куропатка, кажущаяся намного крупнее вчерашней то ли из-за вечернего света, то ли из-за причуд зрения, даже не хабекая, пристально смотрела на нас. Вообще, была какая-то странная.

Махнув на нее, я наклонился и... увидел опять еле-еле видимые куропаточьи следы! Ну да, точь-в-точь, что вчера: на чистом снегу еле видны!!!

Меня охватил какой-то суеверный страх: сам подумай, все время живу одиноко, обо всяком передумаешь. Ох, не зря бабушка всякие страсти рассказывала, вот и я дожил... куропатка пришла на место гибели подруги или друга. Даже сам не знаю, кого вчера убил — самца или самку.

Но охотнику долго думать вредно, добыча может уйти. Поэтому, заскочив в избушку за дробовиком, я, пригнувшись, стал подби-

раться к птице.

Куропатка почувала, что вышел я из дома не с пустыми руками и, вытянув шею, внимательно смотрела в мою сторону. Мне даже показалось, что глаза ее сверкнули холодным пурпурным отсветом утонувшего за горизонтом солнца.

Неожиданно привстав из-за пустых бочек горючего, я разрядил правый, кучно бьющий ствол! Куропатка странно хабекнула, перевернулась и... как ни в чем не бывало, встала на ноги и стала снова буравить меня взглядом.

Поверь, Митяй, в эту минуту мне стало так жутко, что даже ноги окоченели: получила такой заряд и цела-невредима, да еще смотрит на незадачливого убийцу...

Друга, собиравшегося броситься на подранка и задушить ее, я успел схватить за ошейник и приказал сидеть. Но как бы то ни было, я — охотник! Прочь сомнения! И я быстро вскинул ружье и только было нажал на спусковой крючок, как, опередив меня на долю секунды, в прицеле мелькнула черная голова Друга!.. Все это произошло так быстро и неожиданно, что после выстрела я еще несколько минут простоял с выставленным вперед ружьем: может, увижу силуэт бегущего Друга? Но собака так и не мелькнула передо мной. Я стал медленно опускать ствол дробовика.

На этом месте я был вынужден прервать чтение — из-за чего-то подняла гвалт моя упряжка. «Неужели Фетькина куропатка» — пронеслось в голове, и я выбежал из избышки. Нет, это был песец, лихо удирающий на Север. Прикрикнув на собак, посмотрел на часы и — о, Господи, до исчезновения блокнота осталось всего 8 минут. А вдруг это Фетькино предупреждение не розыгрыш?..

Зашел в избышку, торопливо выпил чаю, посмотрел на часы — осталось 5 минут. Ну ладно, начал читать дальше:

«...дробовика. И увидел своего Друга, он лежал с вытянутыми лапами, казалось, что он вот-вот вскочит сильным рывком, встряхнется. Прошла минута, две... Друг лежал неподвижно. Я стоял, боясь сделать шаг, не веря тому, что произошло: я убил Друга, единственного, кому мог доверить свою тайну, с кем я мог идти в пургу и — самое главное — он был бесконечно предан мне, ради друга — то есть меня — он пренебрегал любой опасностью. Вот кто был мой Друг...

Ох, Митяй, впервые тогда я почувствовал, как плохо быть одиноким, совсем одиноким. Хоть, сам знаешь, по натуре я отшельник.

О-о, огромный, высокий, пустой колпак, под которым я жил одиноко, наконец, показал, на что он способен...

Ну, ладно, Митяй. Поплакал я, пощупал Друга — уже осты-

вает. Я, привыкший к убийству зверей и птиц, видевший много крови и сам сдиравший с тушек неподатливые шкурки, мог ли долго распускать нюни? Нет, конечно — что было, то было, и Друга теперь, плачь-не плачь, уже не вернешь.

Алая западная часть неба была похожа на сгусток крови Друга, и тундра казалась теперь не розовой, а красной. Сгустившиеся же тени не синели как положено им — лежали бурыми пятнами...

Я огляделся вокруг — куропатки не было, видно, улетела уже. Подняв ружье, я поплелся к избушке с намерением взять лопату и закопать Друга там, где его настигла смерть.

Собрал в кучу кости, мясо, печенье, кулек конфет, чтобы все это зарыть вместе с Другом, но такая усталость вдруг налетела, что без сил повалился на кровать...

Полежал я так, полежал и решил собраться с силами. А что может помочь в этом деле? Конечно же — водка!

Помнишь, Митяй, наши разговоры, когда ты приезжал за сбором пушного ясака? Мы всегда зажигали несколько свечей, говоря, что предки наши правильно делали, славя огонь: ведь только он может разогнать тьму, которая является вместилищем страха и одиночества. Так сделал и я в тот вечер — зажег десять свечей и, представь, в душе стало светло и тепло, и захотелось до тошноты, чтобы в эту минуту кто-нибудь сидел напротив меня...

Выпил я стакан водки, закусил и, чего скрывать, чуть было не заскулил, но взял себя в руки: в такие минуты лучше быть твердым, иначе недалеко и до беды. Тепло от выпитого приятно разнеслось по телу.

Пора идти к Другу! Я взялся уже за кулек с провизией, как услышал стук по стеклу!..

Вначале подумал, что это, может быть, просто звенит в ушах от выпитого. Но стук повторился, и мне поневоле пришлось повернуться к окошку. За стеклом, в бликах от десяти свечей, на меня смотрел человек!...

...Проснулся утром так же, как прежде, легко и с мыслями о капканах. Затопил печку. Правда, удивился тому, что заслонка была открыта, а угля оказалось много: наверное, подумал я, ночь потеплело. Чайник был горячий, так что сразу сел чаевничать за чистым столом, чему тоже удивился: обычно убираться не очень старался, чтобы все было под рукой. Даже свечку почему-то вчера положил в ящик стола!

Позавтракав, поставил мясо на дорогу и перевернул тушки песцов, чтобы оттаивали равномерно.

Друг, вышедший, когда я спал, все еще не скребся и не лаял, прося, чтобы я впустил его в дом.

Только начало светать. Было тихо. Тундра, укрывшаяся громадным облаком от горизонта до горизонта, показалась уютной и теплой. Впрочем, это предвещает непогоду. Выскочивший откуда-то Друг стал носиться вокруг меня, то и дело выкидывая сложные акробатические номера — это он радуется скорой поездке.

В гаражике проверил работу снегохода, заправил горючим.

Окинув взглядом территорию своей фазенды, как ты называешь мое хозяйство, Митяй, почувствовал какое-то изменение, чего-то, чувствовал, стало больше! Что же это такое, создающее зрительный дискомфорт? Я стал внимательно осматривать постройки одну за другой — все в порядке... Бревна для топлива? Подумал, что будь как раз их побольше — не помешало бы...

Плотно поев, накормив Друга, положив припасы и термос с горячим чаем в мешок из оленьей шкуры (читателю: такой мешок долго держит тепло), я вышел из дома. И сразу же ощутил знакомый зрительный дискомфорт. Друг обнюхивал снег, беспорядочно бегал и радостно махал хвостом. Тут-то я и обратил внимание на странное обстоятельство: кроме моих, на снегу виднелись чьи-то глубоко вдавленные, по краям глубокие, овальной формы следы. Они были повсюду: от гаражика до самого порога избушки и даже пошли в обход ее с южной стороны. Я только одного не понял: почему это Друг так радуется этим следам? Он их что, и до этого встречал или знаком с оставившими их?

Я начал изучать следы, и они вывели меня к южной стороне избушки. Там, под окном, снег был примят и лежало что-то зеленое, размером с ладонь.

Подбежал Друг, обнюхал зеленый предмет и завил хвостом, сел рядышком: значит, ничего опасного?

Это было вроде салфетки, но из очень крепкой и плотной материи (попробовал на разрыв!). От руки на ней было начертано: «НИЕ БУОЙСЯ ДУРУГ, ЧААЙ КИПАЧИ — Я ДВОИ ДРУСИЯ»

Я вернулся в избушку, затопил печку, поставил чайник и стал ждать гостей, которых, судя по письму, было несколько. Но вот кто они, откуда явились, с добром или со злом — все это меня почему-то не волновало. Почему? Об этом тоже напишу, но только по порядку сообщения.

Итак, лежу и читаю газеты месячной давности, потом перешел на перелистывание какой-то книги без начала и конца — так я ждал гостей. Глянул на часы — уже час прошел!»...

Я тоже посмотрел на часы — до конца магического исчезновения блокнота осталось 3 минуты. Серьезность изложения, точные

детали в пересказе происшедшего заставили меня, наконец, чуть-чуть поверить в Фетькину историю. И я снова начал читать, сожалея, что если исчезновение произойдет действительно, то многое, очень многое друг не успеет мне рассказать. Но читать быстро я не умею, да и почерк Фетьки никогда не отличался изысканной каллиграфией.

«Подумав, что мог кое-что не разобрать или не так понять в записке, — продолжал Фетька, — я потянулся к столу, куда положил зеленый листок... и не обнаружил его. Стал шарить по кровати, под столом, искал вокруг печки, перерыл все карманы, какие только бывают у человека — нигде нету!»

Тут я понял, что Фетька действительно не зря предупреждал меня, чтобы торопился с чтением! И настолько, насколько я был способен, начал читать быстрее, иногда попросту пропуская неразборчивые слова.

«Хотя точно знал, что положил письмо на стол, я все же не удержался, чтобы не осмотреть двор. Конечно же, я ничего не обнаружил и там...

Вернулся в избушку и опять было взялся за поиски, как услышал лай с подвыванием — это означало, что Друг встречает хорошо знакомого человека. Я обрадовался — может, появился ты, Митяй, нарушив свое расписание!

Выскочив не одетым и без шапки, я увидел чистенький «Буран» и рядом с ним двоих в серебристо отливающей одежде. Друг крутился возле них и радостно лаял.

Увидев, что я вышел, люди подняли левые руки, показали открытые ладони и прижали к груди. То же самое проделали и с правой рукой. Пока они демонстрировали свое миролюбие, я не сводил глаз с их экипировки: одеты они были не в сплошь серебристые одеяния: на груди выделялись черно-красные клетки, напоминающие мозаичный рисунок. Головы их покрывали прозрачные голубоватого цвета шлемы, под которыми не было ни шапок, ни наушников.

Лица, вот лица меня удивили: один был похож на европейца (впрочем, это лицо я где-то видел), подстрижен бобриком, Его я прозвал «американцем». Второго-то я сразу узнал, потому что это был — Я! Вылитый Фетька!

Пока я в недоумении пялился на свое второе «Я», «американец» что-то залопотал, обращаясь к своему товаришу. Тот достал нечто вроде ручки и стал писать. Потом, видимо, подозвал Друга, так как мой пес подбежал к нему. Тут другой «Я» (не путать со мной — с Фетькой) засунул Другу в пасть то, что держал в руках.

Друг подбежал ко мне, сел рядом: из пасти у него торчал лист зеленой бумаги(!), свернутый трубочкой. На записке вчерашним почерком было написано:

**+ДВОИ ДРУСИЯ + ТЫ СТРЕЧАЙ + Я МЕНЬЯЙ СИБЬЯ,
Э?**

Показав на письмо и похлопав себя по лицу, я покачал головой. Это означало: ни в коем случае не меняй лица. Я боялся, что вместо этого — не очень красивого, но очень человеческого лица, «тот Я» начнет при мне превращаться в неизвестно какое существо.

Постояв в нерешительности, я все-таки пошел к ним и поздоровался: руки были как руки, но до неприятности холодные. Потом поставил ихний «Буран» в гаражик. Между прочим, Митяй, успел быстро рассмотреть — все детали были новые...

Знаешь, они очень простые, сели за стол и начали пить чай и есть. Меня угостили своей едой, похожей на таблетку, и которую надо просто проглатывать: оказывается, она уже в желудке увеличивается в четыре раза! А желудок у них маленький. Дышат они не кислородом, а чуть ли не угарным газом, правда, не таким, какой у нас, а своим: совсем другой состав. То, что они открыли шлемы, значения не имеет, так как легкие у них умеют синтезировать любое газовое соединение.

Митяй, послушай, как я с ними разговаривал:

— А вы можете показать, какая у вас письменность?

«Тот Я» вынул зеленый лист и написал примерно такое:

+.. ! :: . х ! ж - тт !-

Перевел же эту абракадабру так: «Гармонии тебе, человек. В космосе нас много. Человек в разные стороны летает».

— Вот у меня нет жены. А у вас?

— Мы двои друсия, мы видел, у тебя ниет жьена, — говорит «американец». — Мы следит тибья месяц, а тибья ниет и ниет жьена. Нас, — он показывает на себя и на «Того Я», — жьена пьят!

Где-то такой вот разговор. Живут они, оказывается, совсем в другой Галактике, которую невозможно увидеть даже в телескоп, живут счастливо, в гармонии и в мире, сколько помнят себя. Только вот последние миллионы лет начали активные поиски разумных существ. «американец» и «Я» — разведчики передового отряда, но что интересно, они сталкивались с другими разведчиками других Галактик! Некоторые из них вели себя воинственно, и контакты устанавливались с трудом, но всегда устанавливались. Больше было встреч мирных, так как такие планеты, как наша Земля, встречались единицы во всем Пространстве, и поэтому у разведчиков

строжайший приказ — не навредить!

Но все разведчики всех Галактик были очень огорчены, что на такой планете, где разумное существо живет без шлема и дышит открыто, много кровавых событий. И они с другом решили — найти такой уголок, где бы человек жил так, как я — Фетька.

Так как мозг у человека очень хрупок (об этом они узнали от разведчиков других Галактик), мои новые друзья не сразу стали использовать мощные средства. Оказывается, уже с неделю они знали, о чем думаю, мечтаю. Когда я испугнул недавно у реки стаю куропаток (Митяй, такое было!), пришельцы решили установить контакт именно через них. Что и удалось.

Потом «американец» показал какой-то черный квадрат, который постепенно стал светлеть. На нем я увидел лежащего на снегу Друга и себя, плачущего... Вот я плетусь домой, пью там водку, а на столе несколько свечей!... И тут я вспомнил: я же вчера убил Друга... Глядя на разведчиков, я в отчаянии обхватил голову и увидел, как «тот Я» нахмурил брови, посмотрев на «американца». В тот же миг экран погас и «американец» сказал, что все переживания произошли по его вине, когда он послал робота-куропатку для обслед...»

И тут, читатель, можете верить, можете не верить — блокнот ИСЧЕЗ! Прямо на моих руках. Это было как во сне, как в фантастическом фильме. Я невольно ущипнул себя за губу. Нет, больно!..

Жаль было, что большая часть письма из-за моего неверия, скептицизма так и осталась не прочитанной.

Дальше уже не интересно рассказывать, потому что все было так, как предугадал Фетька: мне никто не верил! Сестренка Фетьки, качая дочку, сказала, что не то что 100 лет, а 40 не знает, как прожить, и чтобы я приходил и рассказывал свои байки, когда протрезвею!

Прошло с тех пор пятнадцать лет. Сейчас я уже сам занялся охотой, и догадались, наверное, конечно же, на участке Фетьки. Остановил свой выбор на этом участке не потому, что надеялся встретиться с иногалактическими гостями, судя по газетным публикациям, все еще исследующими нашу Землю. Хотя в душе очень хочется посмотреть на них, пообщаться по-дружески, подобно Фетьке.

Вот и в сегодняшней газете прочитал о НЛО, опустившемся на край северного поселка. Будто бы четверо пришельцев, одетых во все блестящее, долго всматривались в окружающую природу, и один из них даже что-то кричал, подпрыгивая и кувыркаясь по траве. Оленеводы чем-то выдали себя, и в одно мгновение НЛО исчезло.

Читаю такие вот новости и почему-то думаю, что тот кричавший пришелец и был наш Фетька, ненадолго вернувшийся на родную сторонку.

А может, он все еще в пути? С новыми друзьями летит к той далекой звезде, чтобы быть первым гостем от нашей планетки, чтобы рассказать о нас, о тундре, об оленях не с магнитной или с какой там у них записи, а самому, сидя рядом с иногалактянами? Дай-то бог мне прожить больше ста лет, чтобы я встретил моего друга Фетьку, чтобы поговорить с ним — о-о, до-олго, долго — о нашем житье-бытье!

ФЕТЬКА, Я ЖДУ ТЕБЯ!

Содержание

Монолог жителя планетки «Чи».....	5
Это.....	13
Монолог последнего чучуны.....	21
Голубая планетка.....	27
Куропатка с пурпурными глазами.....	49